

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
им. М. И. РУДОМИНО

Русско-турецкая война

1877–1878 гг.

НАДЕЖДЫ – ПЕРИПЕТИИ – УРОКИ

Москва
2020

УДК 94(4); 327.8; 902.22
ББК 63.3(4)
Р 89

Редколлегия: д.и.н. С. И. Данченко, к.ф.н. Ю. А. Созина

Рецензенты: к.и.н. О.А. Дубовик, к.и.н. Л.А. Кирилина

Р 89 Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: надежды – перипетии – уроки. Сб. науч. статей / Отв. редакторы С. И. Данченко, Ю. А. Созина. – М.: Институт славяноведения РАН, Библиотека иностранной литературы, 2020. – 164 с.
ISBN 978-5-7576-0447-3

Авторы книги, основываясь на исторических документах, архивных материалах, фактах общественной жизни и художественно-литературного творчества, а также результатах раскопок, дают обновленное видение событий полуторавековой давности, которые сыграли значительную роль в процессах трансформации геополитической карты Европы и международных отношениях и чьи отзвуки слышны по сей день, зачастую вновь обретая острую актуальность. В центре внимания оказывается балканская политика России и других крупнейших стран Европы; русско-болгарское боевое содружество; общественные и культурные связи; преломление исторических реалий в художественном творчестве, публицистике и дневниках.

Издание будет интересно широкому кругу исследователей, студентам вузов и читателям, интересующимся развитием международных отношений, российско-болгарского диалога, историей и культурой Балкан.

УДК94(4); 327.8; 902.22
ББК 63.3(4)

ISBN 978-5-7576-0447-3
DOI 10.31168/0447-3

© Коллектив авторов, 2020
© Институт славяноведения РАН, 2020
© Библиотека иностранной литературы,
2020

Светлой памяти

ПАВЛА ВАСЕВА

*Editorial board: S. I. Danchenko, D. Sc. of Historical Sciences;
Yu. A. Sozina, Ph. D. of Philological Sciences*

*Reviewers: O. A. Dubovik, Ph. D. of Historical Sciences;
L. A. Kirilina, Ph. D. of Historical Sciences*

Russo-Turkish war of 1877–1878: hopes – vicissitudes – lessons. Collection of scientific articles / Ex. ed. S. I. Danchenko, Yu. A. Sozina. – Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Library for Foreign Literature, 2020. – 164 p.

The authors of the joint monograph "The Russo-Turkish War of 1877–1878: hopes – vicissitudes – lessons", historians, culturologists and literary scholars, based on historical documents, archival materials, facts of public life and fiction writing, as well as excavation results, give an updated vision of the sesquicentennial events, which played a significant role in the transformation of the geopolitical map of Europe and interethnic relations, and whose echoes are still heard today, often re-acquiring the acute relevance. The primary focus is on the Balkan policy of Russia and other major European countries; the Russian-Bulgarian military cooperation; the Russian-Bulgarian social and cultural ties; the refraction of historical realities in artistic creation, journalism and diaries.

The book will be of interest to a wide range of researchers, university students and readers interested in the development of international relations, the Russian-Bulgarian dialogue, the history and culture of the Balkans.

ISBN 978-5-7576-0447-3
DOI 10.31168/0447-3

© The group of authors, 2020
© Institute of Slavic Studies of the RAS,
2020
© Library for Foreign Literature, 2020

Содержание

От редколлегии.....	7
<i>Стоянов И. И.</i> Российские проекты восстановления болгарской государственности накануне Константинопольской конференции великих держав 1876 г. (перевод с болгарского А. Б. Тверицкой)	11
<i>Фролова М. М.</i> Болгары в восприятии военных священников, участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг.	23
<i>Искендеров П. А.</i> Берлинский конгресс 1878 г. и его политические последствия для Балкан	75
<i>Чернушкин А. А.</i> Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в культурно-исторической памяти России (по документам Государственного архива Российской Федерации).....	107
<i>Морозов Е. В.</i> Введенская церковь в Орловской области – усыпальница генерала В. Н. Лаврова (1838–1877) (по результатам раскопок)	125
<i>Смолянинова М. Г.</i> Роль московских славянофилов в освобождении Болгарии от османского ига.....	135
Информация об авторах	163

Contents

From the Editorial Boards.....	7
<i>Stojanov I. I.</i> Russian Projects for Restoration of the Bulgarian State on the Eve of the Constantinople Conference of the Great Power 1986 (Translated from Bulgarian by <i>Antonina Tveritskaja</i>).....	11
<i>Frolova M. M.</i> Bulgarians in the Perception of Military Priests, Participants of Russian-Turkish War of 1877–1878	23
<i>Iskenderov P. A.</i> Berlin Congress 1878 and Its Political Implications to the Balkans	75
<i>Chernushkin A. A.</i> Russian-Turkish War 1877–1878 in the Cultural and Historical Memory of Russia According to Documents of the State Archive of the Russian Federation	107
<i>Morozov E. V.</i> Vvedenskaya Church in the Orel Region – the Tomb of the General V. N. Lavrov (1838–1877) (Based on Archaeological Excavations).....	125
<i>Smolyaninova M. G.</i> The Role of the Moscow Slavophiles in the Release of Bulgaria from the Ottoman Yoke ...	135
Information About the Authors.....	163

От редколлегии

Авторы книги «Русско-турецкая война 1877–1878 гг.: надежды – перипетии – уроки» – историки, культурологи и литературоведы, – основываясь на исторических документах, архивных материалах, фактах общественной жизни и художественно-литературного творчества, а также «полевых работ», дают обновленное видение событий полутора-вековой давности, которые сыграли значительную роль в процессах трансформации геополитической карты Европы и межнациональных отношениях и чьи отзвуки слышны по сей день, зачастую вновь обретая острую актуальность. В центре внимания оказывается балканская политика России и других крупнейших стран Европы; русско-болгарское боевое содружество; русско-болгарские общественные и культурные связи; преломление исторических реалий в художественном творчестве, публицистике и дневниках. Обсуждаемые в книге проблемы выходят за рамки конкретных исторических событий, военных будней с их лишениями, героизмом и кровью, но приближаются к осознанию общечеловеческих духовных и культурных ценностей, возможности (или невозможности) мирного существо-

вания различных пониманий таких основополагающих понятий, как вера, свобода, братство, жизнь и ответственность за нее.

Книга посвящена замечательному человеку, выдающемуся деятелю культуры Павлу Васеву, недавно ушедшему от нас. С первых дней существования Центра славянских культур, открытого в декабре 2017 г. в Библиотеке иностранной литературы, Васев всячески поддерживал его коллектив – и словом и делом. Благодаря его содействию Москву незадолго до своей кончины посетил известный ученый Иван Илиев Стоянов. Болгарский исследователь горячо отстаивал важнейшую роль России в освобождении Болгарии, зачастую подвергающуюся сомнению в угоду политическому моменту; его исследование открывает настоящий сборник.

Основу авторского коллектива составили сотрудники Института славяноведения РАН – отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время и отдела истории славянских литератур, в течение многих лет занимающиеся исследованиями сложных исторических судеб балканских народов и их отражением в литературе факта и поэзии. Их поддержали и представители российских вузов и общественных организаций. Представленные работы глубоко современны, пропитаны глобальной социально-политической повесткой нашего времени. В них поднимаются вопросы социального становления личности через общественную деятельность, культуру и творчество (М. Г. Смольянинова); духовной и религиозной жизни

Павел Васев (родился в городе Софии 15 апреля 1951 г. в семье дипломата Ангела Васева. В 1969 г. окончил среднюю школу, начал обучение в Белградской киноакадемии. В 1973 г. окончил Национальную академию театрального и киноискусства им. Крустё Сарафова (София, Болгария) по специальности «театральная режиссура» в классе профессора Христо Христова.

На протяжении всей жизни занимался болгарской культурой: занимал должности заместителя Министра культуры Болгарии (1991), Президент Союза болгарских кинематографистов (1996–2000), возглавлял Сатирический Театр Алеко Константинова (2005–2008), Национальный театр им. Ивана Вазова (2009–2015), Болгарский культурный институт в Москве (2015–2019). Своей деятельностью Павел Васев способствовал развитию культурных связей между Россией и Болгарией. Многочисленные проекты, реализованные им в Москве, открыли русскому зрителю болгарский кинематограф, литературу, оперу и театр. Скончался 8 ноября 2019 г.

(М. М. Фролова); исторической памяти и культурного наследия (Е. В. Морозов; А. А. Чернушкин); непредвзятого, честного отношения к хитросплетениям политических замыслов и их реализаций (П. А. Искендеров, И. И. Стоянов). Книга структурирована в соответствии с триадой политика – общество – культура, т.е. от сиюминутных интересов различных сил через жизнь и трансформации социума к творческому созиданию и переосмыслению итогов – в чем мы усматриваем развитие, стремление к «высшей правде» и гармонии.

Редколлегия благодарит за помощь в работе над сборником А. А. Бельских, С. А. Борисова, Т. С. Повилайнен и А. В. Хозяинову.

И. И. Стоянов

**РОССИЙСКИЕ ПРОЕКТЫ
ВОССТАНОВЛЕНИЯ БОЛГАРСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НАКАНУНЕ
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ 1876 г.**

Накануне Константинопольской конференции 1876 г. в России было разработано два проекта будущей болгарской государственности. Первый из них, который по указанию графа Н. П. Игнатьева составили российский дипломат А. Н. Церетелев и секретарь дипломатической миссии США Ю. Скайлер, предусматривал обособление Болгарии как автономной провинции Османской империи. По второму, разработанному самим Н. П. Игнатьевым, Болгария получала административную автономию, но территория разделялась на две провинции.

Ключевые слова: Независимость Болгарии, Османская империя, Константинопольская конференция, Н. П. Игнатьев.

I. I. Stojanov

**RUSSIAN PROJECTS
FOR RESTORATION OF THE BULGARIAN
STATE ON THE EVE
OF THE CONSTANTINOPLE CONFERENCE
OF THE GREAT POWERS 1876**

On the eve of the Constantinople Conference in 1876, two projects of the future Bulgarian statehood were developed in Russia. The first of them, which, as directed by Count N. P. Ignatiev was composed by the Russian diplomat A. N. Tseretelev and Secretary of the US diplomatic mission, E. Schuyler, provided for the separation of Bulgaria as an autonomous province of the Ottoman Empire. According to the second, developed by N. P. Ignatiev, Bulgaria received administrative autonomy, but the territory was divided into two provinces.

Keywords: Independence of Bulgaria, Ottoman Empire, Conference of Constantinople, N. P. Ignatiev.

В третьей четверти XIX в. идея восстановления болгарской государственности пока только утверждалась среди основных сил, заинтересованных в судьбе Юго-Восточной Европы. Медленно и тяжело болгарский вопрос пробивал себе дорогу на страницах европейских газет, в сознании западноевропейской общественности и, наконец, действиях политиков, управлявших крупными европейскими государствами. Удивительно, что в России, давней противнице Османской империи и в то же время покровительнице православных народов, живущих под властью турок, подобное отношение сформировалось так поздно.

Если позиция великих держав Запада по отношению к судьбе болгар понятна, то столь позднее пробуждение северной православной империи сложно объяснить. С начала XVIII в. в постоянные внешнеполитические интересы России входило следующее: получить выход к южному морю и помешать амбициям Западной Европы на Ближнем Востоке. Чтобы достичь этого, необходимо было прервать коммуникацию между Османской империей и ее покровителями. Постоянное присутствие на берегах Черного моря, уничтожение Крымского ханства, укрепление автономного статуса Молдавии и Валахии, восстановление сербского

государства в начале XIX в. и обретение Грецией независимости – все это означало исполнение замыслов Петербурга. Перед католическим и протестантским Западом возвели своего рода барьер, который в большинстве случаев мог защитить балканские и ближневосточные интересы России. Как бы ни менялись действия политиков в этой части Балкан, какими бы противоречивыми ни были решения из Бухареста, Белграда, Цетине и Афин, все понимали, что стремление к объединению и независимости земель и народов находит понимание прежде всего в российских политических кругах. Общие интересы балканских народов и Петербурга делают отношения России и возрожденных православных государств важным политическим фактором в поисках решения восточного вопроса.

Долгое отсутствие болгар в планах России объясняется двумя причинами. Первая связана с географическим положением. «Запертые» в центре Балканского полуострова, болгары труднее всего вписывались в замыслы российской политики несмотря на то, что были самым многочисленным народом в регионе.

Второй причиной подобного отношения Петербурга нужно указать запоздалое болгарское Возрождение и недостаточную активность формировавшейся болгарской нации до середины XIX в. Очевидно, болгары долго не входили в стратегические планы России в том числе из-за отставания от других балканских народов.

До Апрельского восстания 1876 г. не было ни одного иностранного проекта, который касался бы болгарского вопроса и предлагал бы его решение посредством дипломатии или же военным путем – решение, которое могло бы изменить политический статус болгарского народа. Активность обществ болгарских эмигрантов, ограниченные действия четников, а также послание Парижской конференции касательно критского вопроса в конце 1868 г. не могли заставить великие державы включить болгарский вопрос в политическую повестку. Восстание в апреле и мае 1876 г. закончилось резней, в которой были убиты 30 тыс. детей, женщин, стариков и мужчин. Это изменило ситуацию. Дипломатии великих держав пришлось заняться этой проблемой под давлением общественного мнения.

В мае 1876 г. в Берлине российские дипломаты выдвинули идею автономии Боснии, Герцеговины и Болгарии, а в случае распада Османской империи – их развития в качестве независимых политических субъектов¹. Решительность российских дипломатов свидетельствовала об изменениях балканской доктрины в правящих кругах Петербурга.

¹ Конобеев В. Д., Зуева Н. В., Шатохина Е. М. Дипломатия России в борьбе за независимость Болгарии и образование болгарской государственности (1856–1878 г.) // Новая и новейшая история. 1978. № 1. С. 26; Чернов Л. С. Основные этапы развития русской официальной программы решения Восточного вопроса в 1877–1878 г. // Русско-турецкая война 1877–1878 и Балканы. М., 1978. С. 25–32; Козменко И. В. Руската дипломатия и формирането на българската държавност след Освобождението. София, 1982. С. 25–26.

Идея автономии болгар становилась в российских политических кругах все более актуальной. В сентябре 1876 г. в Ливадии начались консультации, связанные с обострением восточного кризиса и возможностью военной кампании с целью его урегулирования. Касательно Болгарии осуждалась записка графа Н. П. Игнатьева, в которой выдающийся дипломат, защитник интересов болгар предложил для проектируемой страны статус автономного княжества².

По инициативе великих держав, в первую очередь Англии и России, была созвана Константинопольская конференция (декабрь 1876 – январь 1877 гг.), целью которой предполагалось:

- 1) урегулировать отношения побежденных Сербии и Черногории и победившей Турции;
- 2) наметить план действий по изменению статуса Боснии, Герцеговины и Болгарии.

Идея конференции появилась в российских политических кругах еще в августе 1876 г., но предложили ее в Англии несколько позже³. Это был первый международный форум, который включил в повестку дня болгарский вопрос и предложил проект его решения⁴. Задолго до начала конференции представители России в Османской империи по

² Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. Т. I. М., 1961. С. 495–496.

³ *Татищев С. С.* Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. II. Санкт-Петербург, 1911. С. 196.

⁴ *Христов Х.* Освобождението на България и политиката на западните държави 1876–1878. София, 1968. С. 80.

приказу Петербурга разработали два проекта будущего Болгарии, которые и были представлены на международном форуме.

Первый проект разработали по указанию Н. П. Игнатьева князь А. Н. Церетелев и секретарь дипломатической миссии в США Ю. Скайлер. Они были членами комиссии, расследовавшей зверства турок при подавлении Апрельского восстания в Болгарии. В донесении А. М. Горчакову Н. П. Игнатьев писал: «Привлекая к этой академической работе секретаря американской миссии, я имел в виду использовать его личное участие в благоприятном для наших планов смысле и через него оказать влияние на английских журналистов, находящихся с ним в сношениях, особенно на корреспондента “Дейли ньюс”, оказавшего уже существенные услуги болгарскому делу. Надеюсь, что они будут способствовать тому, что разумные мысли в английской прессе возьмут верх и что их мнение, как исходящее от людей опытных и незаинтересованных, только что побывавших в Болгарии, будет иметь значение в глазах дипломатов, собравшихся в Константинополе»⁵.

Далее, раскрывая свой тактический замысел, российский дипломат пишет, что этот проект будет представлен на конференции после рассмотрения предложений Англии как проект экспертов, заинтересованных только в благосостоянии народов без какой-либо политической «задней мысли».

⁵ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. Т. I. С. 495–496.

По тактическим соображениям имя Ю. Скайлера было указано первым среди авторов проекта.

Проект предполагал обособление Болгарии как автономной провинции Османской империи. В провинцию авторы включили Дунайский вилайет, Софийский вилайет, Филиппопольский санджак, Сливенский санджак и районы Македонии, населенные болгарами. Проект содержал шесть разделов: управление, правосудие, культы и образование, финансы, вооруженные силы, – а также приложение. Основной целью проекта было дать будущей провинции ограниченную административную автономию.

Проект А. Н. Церетелева и Ю. Скайлера предполагал множество ограничений автономии, но российские политики не одобрили его. Были опасения, что его не примут Англия и Австро-Венгрия, поэтому сам Н. П. Игнатьев разработал еще один проект будущей Болгарии. Во второй части донесения канцлеру А. М. Горчакову Н. П. Игнатьев пишет следующее: «Второй проект, составленный наспех, после телеграммы вашей светлости, будет в запасе на случай, если тот, о котором я только что говорил, не будет принят на конференции, а предложения, сделанные Англией, не будут отвечать нашей точке зрения, что более чем вероятно. По этому проекту Болгария разделена на две провинции, или вилайета, и иерархия оттоманской администрации здесь сохранена лишь для формы, что представляет ту выгоду, что она щадит щепетильность греков и устраняет возражения, которые могли бы возникнуть по поводу нашего желания

создать одно большое автономное болгарское княжество. В действительности этот проект дает, однако, полную автономию казам или кантонам, совершенно отстраняет оттоманских чиновников, назначенных Портой, от администрации, допускает местную милицию и все необходимые предпосылки для подготовки создания политического автономного государства в более или менее недалеком будущем. Он сможет, разумеется, претерпеть существенные изменения в подробностях, прежде чем я его представлю своим коллегам»⁶.

Далее Н. П. Игнатъев пишет, что оба проекта необходимо держать в тайне от иностранных дипломатов: «В особенности необходимо, чтобы 2-й проект остался полностью неизвестным, потому что, так как он содержит минимум наших желаний, у нас не будет возможности требовать принятия более широких требований, если с ним будут предварительно ознакомлены»⁷.

Проект Н. П. Игнатъева в общих чертах повторял проект Скайлера–Церетелева, но в нем были некоторые отличия, которые делали его, как отмечает сам автор, программ-минимум. Проект также предусматривал то, что болгары получают ограниченную административную автономию, но болгарские земли делились на две провинции: одну с центром в Русуке, а другую со столицей в Софии: «Во

⁶ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. Т. I. С. 496.

⁷ Там же.

главе провинций Рушук и Софии будут поставлены генерал-губернаторы (вали)»⁸.

Проект-минимум, разработанный Игнатьевым, был благосклонно принят российскими правящими кругами. В инструкции князя А. М. Горчакова Н. П. Игнатьеву 12 ноября 1876 г. говорится, что проект обеспечивает достаточную и практически «выполнимую автономию». Далее российский канцлер заявляет: «Если только наш минимум пройдет, это будет крупным результатом, который избавит нас от военной кампании, всегда случайной как политически, так и материально и в особенности тягостной своим влиянием на наше финансовое положение. Если можно избежать этого, я аплодировал бы этому с восторгом и наша страна была бы в выигрыше»⁹.

В это же время начались консультации и предварительные переговоры о подготовке грядущей конференции в османской столице. Об этом Н. П. Игнатьев сообщил в докладе А. М. Горчакову от 29 ноября 1876 г. Н. П. Игнатьев пишет, что ознакомил лорда Р. Солсбери с проектом Скайлера–Церетелева. Лорд Р. Солсбери в целом одобрил основные идеи программы, но настоял на разделении болгарских территорий на две провинции, так как формирование, предложенное Ю. Скайлером и А. Н. Церетелевым, было крупным и могущественным, способным «затмить» даже саму

⁸ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. Т. I. С. 496.

⁹ Там же. С. 511.

империю, нарушить ее внутреннее равновесие. Нужно избежать варианта, который может довести до военного столкновения между Россией и Турцией – крайнего решения проблемы, подчеркнул лорд Р. Солсбери.

Доклад российского посла в Константинополе показывает, что еще во время подготовки конференции Петербургу было ясно, какие претензии предъявит Лондон к проекту Скайлера–Церетелева. Ход с включением в проект американского дипломата на Англию не подействовал. Стратегические цели великих держав в этой части света не изменились, несмотря ни на зверства турок в отношении болгар, ни на заявления европейской общественности, что пора менять существующее положение дел, ни на личное мнение отдельных дипломатов вроде Ю. Скайлера или лорда Р. Солсбери, которые также были убеждены, что нынешний порядок требует коренных изменений. Все это повлияло на тактику Запада: теперь стратегический план надо было осуществлять в новых условиях. Сам план оставался прежним – сохранить Османскую империю, пусть в несколько ином виде, но видимую всем, в первую очередь, европейской общественности и покоренным народам. Необходимо было также сохранить политические и экономические интересы великих держав в стратегически важном регионе – это было сложно понять простым европейским гражданам. Только Россия имела иную позицию и смогла навязать ее, когда Османская империя отказалась выполнять решения Кон-

стантинопольской конференции. Вслед за Лондонским протоколом появился ряд дипломатических инициатив со стороны Петербурга, целью которых было предотвратить события 1853–1856 гг. Единственным способом разрешить восточный кризис стала военная кампания, которую Россия начала в апреле 1877 г. и довела до успешного финала в феврале 1878 г. Результатом стало появление страны, которой не было на карте Европы почти 500 лет, а три других балканских государства – Черногория, Сербия и Румыния – получили независимость. Характер каждой войны определяется ее результатами. По этой причине в Болгарии Русско-турецкая война 1877–1878 гг. считается освободительной, а в Черногории, Сербии и Румынии – войной за обретение их независимости.

*Перевод с болгарского
Антонины Тверицкой*

М. М. Фролова

**БОЛГАРЫ В ВОСПРИЯТИИ ВОЕННЫХ
СВЯЩЕННИКОВ, УЧАСТНИКОВ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ
1877–1878 гг.**

Статья основана на опубликованных воспоминаниях, записках, письмах военных священников, принимавших участие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Многие из этих мемуаров впервые вводятся в научный оборот и являются ценным источником для освещения многих сторон религиозной жизни болгар, так как русские священники обращали свой профессиональный взор на состояние болгарских православных церквей, на церковные традиции, положение болгарского духовенства и его взаимоотношения со своей паствой.

Ключевые слова: русско-турецкая война 1877-1878 гг., военные священники, В. В. Гурьев, А. А. Лебедев, А. И. Цитович, Г. П. Лапшин, И. Софронов.

M. M. Frolova

**BULGARIANS IN THE PERCEPTION
OF MILITARY PRIESTS, PARTICIPANTS
OF RUSSIAN-TURKISH WAR
OF 1877–1878**

The article is based on published memoirs, notes, letters of military priests who took part in Russian-Turkish war of 1877-1878. Many of these memoirs are first introduced into scientific sphere and are a valuable source for highlighting many aspects of religious life of Bulgarians, as Russian priests turned their professional eyes to the state of Bulgarian Orthodox churches, to church traditions, the position of the Bulgarian clergy and its relationship with their flock.

Keywords: Russian-Turkish war of 1877–1878, military priests, V. V. Guryev, A. A. Lebedev, A. I. Tsitovich, G. P. Lapshin, I. Sofronov.

В значительном массиве таких ценнейших источников по истории русско-турецкой войны 1877–1878 гг., как опубликованные воспоминания, записки, письма, дневники ее участников – офицеров, солдат, врачей, сестер милосердия и военных священников, перу военных священников принадлежит всего лишь пять публикаций мемуарного характера, но именно они в большей степени содержат интересную и важную информацию о состоянии болгарских церквей, о болгарских священниках и православной пастве, а также значимые наблюдения о самом болгарском народе. Это, в первую очередь, «Письма священника с похода 1877–1878 гг.» Вакха Васильевича Гурьева (1830–1890), благочинного 3-й гренадерской дивизии и полкового священника 9-го гренадерского Сибирского его императорского высочества великого князя Николая Николаевича (старшего) полка. Помимо «Писем...», которые были переизданы в 2007 г. в связи с 130-летием начала русско-турецкой войны 1877–1878 гг., к исследованию привлекались работы следующих священников: иерея 8-го гренадерского Московского полка 2-й гренадерской дивизии Антона Андреевича Лебедева, благочинного 14-й пехотной дивизии и протоиерея 56-го пехотного Житомирского полка Александра Иоанновича Цитовича, полкового священника

138-го пехотного Болховского полка Григория Петровича Лапшина (ок. 1850 г. – ?), впоследствии настоятеля (с 1889–1891 гг., протоиерея в 1913–1916 гг.) церкви свт. Спиридона Тримифунтского при Офицерской стрелковой школе (Ораниенбаум); иерея 19-го пехотного Костромского полка Иоанна Софронова.

Имена указанных священников (кроме И. Софронова) значатся в наградных списках, опубликованных в юбилейном издании «Столетие Военного министерства. 1802–1902». Самой высокой и почетной награды был удостоен А. И. Цитович «за подвиги при обороне Шипки с 9 по 14 августа 1877 г.» – Золотым наперсным крестом на Георгиевской ленте, который вручали исключительно «за отличия под огнем неприятеля», «за беспримерные личные подвиги» и который нельзя было выслужить обычным порядком. Золотой крест жаловался самим императором по согласованию со Св. Синодом и выдавался из Кабинета Его Величества. Эта награда была очень редкой¹. Орденом св. Анны 2-й степени с мечами был пожалован В.В. Гурьев, орденами св. Анны 3-й степени с мечами – Г. П. Лапшин и А. А. Лебедев².

В литературе имеются весьма скудные сведения об этих людях, счастливое исключение представляет В. В. Гурьев: благодаря писательскому таланту его биографические

¹ Золотой наперсный крест на Георгиевской ленте с 1790 г. (года учреждения) до 1917 г. был пожалован (по одному из подсчетов) только 442 военным священнослужителям.

² Желобовский А. А. Управление церквами и православным духовенством военного ведомства // Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 50. СПб., 1902. С. 86, 99, 102, 105.

данные попали на страницы многих дореволюционных справочных изданий, а самая полная статья с послужным списком и краткой оценкой его творчества для «Православной богословской энциклопедии» была написана С. Г. Рункевичем, церковным писателем, историком, оберсекретарем Святейшего Правительствующего Синода. Может быть, информация о других священниках также появилась бы на страницах этого замечательного издания, но, к сожалению, вышло только 12 томов, и энциклопедия была доведена соответственно только до буквы «К» (Константинополь). Кроме того, наши знания о служебной карьере Гурьева значимо пополнились благодаря изысканиям в Российском государственном историческом архиве Л. В. Мельниковой, которая изучила его послужной список, хранящийся в фонде 806 (Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства Синода). Послужные списки других военных священников еще ждут своих исследователей.

Именно переиздание книги В. В. Гурьева привлекло к ней внимание исследователей: российских ученых Л. В. Мельниковой ³, И. И. Калиганова ⁴ и болгарских

³ Мельникова Л. В. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами полкового священника Ваखा Гурьева // Военно-исторический журнал. 2015. № 12. С. 54–58.

⁴ Калиганов И. И. Освобождение Болгарии от турок в 1877–1878 гг. глазами очевидца (священника 3-й Гренадерской дивизии Ваखा Гурьева) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Этнические, конфессиональные, социокультурные компоненты идентичности народов Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 2017. С. 231–241.

историков И. Петровой⁵, А. Пашовой и П. Воденичарова⁶, А. Романова⁷. Однако авторы указанных работ не ставили задачу полно осветить такую проблему как восприятие русским священником болгар. Вовлечение в научный оборот всех публикаций военных священников, участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., сообщит бóльшую полноту рассмотрению этой важной имагологической проблемы.

Военные дороги, которыми пришлось пройти о. Александру (Цитовичу), о. Григорию (Лапшину), о. Антону (Лебедеву), о. Вакху (Гурьеву) и о. Иоанну (Софронову) были разными, что придает сведениям, заключенным в их воспоминаниях, особую ценность, так как позволяет воссоздать более яркую и объемную панораму жизни болгарского населения. О. Александр вместе с 56-м пехотным Житомирским полком участвовал во многих сражениях: при переправе через Дунай 15 июня 1877 г.⁸, на Шипке, и дошел до Родосто. 19-й пехотный Костромской полк, где служил о. Иоанн (Софронов), в неудачном сражении за Плевну (Плевен) 8 июля

⁵ *Петрова И.* Военните свещеници на поход и в бойни действия по време на руско-турската война 1877–1878 и Плевенската епопея 1877 г. // Сборник. Военноисторически музеи – Плевен. 2010. № 2. С. 209–232.

⁶ *Пашова А., Воденичаров П.* Военното духовенство в Руската империя по време на Руско-турската война 1877–1878 // Балканистичен форум. Преживявания, истории, политики. 2015. Т. 1. С. 209–222.

⁷ *Романов А.* България и българите през погледа на руски военен свещеник по време на Руско-турската война (1877–1878) // Православие.bg. 03.03.2018.

URL: <https://www.pravoslavie.bg/История/българия-и-българите-през-погледа-на-р/> (Дата обращения: 01.12.2020).

⁸ Указаны даты юлианского календаря.

1877 г. потерял своего полкового командира полковника И. М. Клейнгауза, 23 офицера и 914 нижних чинов, после 4-месячного пребывания в Никополе совершил зимний переход через Балканы и 19 декабря вступил в бой при Ташкисене. О. Григорий (Лапшин) находился в Руцукском отряде, и его 138-й пехотный Болховский полк принимал участие в боях у д. Езерджи, при Аяскляре (с. Светлен), у д. Нисово и в ряде рекогносцировок, квартировал в Видине (с 24 марта 1878 г. по 6 октября 1878 г.), в Херманлы (до февраля 1879 г.) и был отправлен 20 и 21 февраля из Бургаса на пароходах в Севастополь. На долю гренадер (2-й и 3-й гренадерских дивизий, где служили о. Антон (Лебедев) и о. Вакх (Гурьев)), выпало участие в осаде Плевны (Плевен), знаменитом сражении 28 ноября 1877 г. с войсками Осман-паши, в результате которого крепость пала. Перейдя через Балканы, гренадеры достигли берегов Мраморного моря.

Опубликованные материалы военных священников о русско-турецкой войне содержат описания природы Балкан, сел, городов и их достопримечательностей, в них включена ценная информация о болгарях, турках и греках, православной церкви, церковной службе и традициях. Особенно много впечатлений о Болгарии оставил о. Вакх, который, несмотря на трудности похода, не уставал восхищаться живописными видами, пейзажами страны. Священники отмечали, что северная Болгария являлась богатейшей житницей с превосходными полями и пастбищами. После победы гвардии под Дубняком (12 октября 1877 г.), когда турецкое

население от Дуная до Балкан «пустилось бежать в страшной панике», не подумав об уничтожении своего хлеба и сена, огромное пространство от р. Вида до Искера, а оттуда до самой границы Сербии предстало перед русской армией «со всеми своими растительными сокровищами»: «по лугам одного Искера стоят тысячи стогов отличнейшего сена; на всех полях, по всем деревням оставлены турками огромные скирды пшеницы и ячменя в снопах»⁹.

Болгарский скот, который, по мнению о. Вакха, походил на «наш черноморский», был отличный, великолепный, «сытый, настоящий степняк и с какой-то гордой поступью». Как-то при переходе от с. Вербицы до с. Рыбно гренадеры повстречали казаков из Сводной Кавказской бригады, которые гнали стадо коров и волов, отбитое где-то у турок. Офицеры, врачи и полковой священник с удивлением обратили внимание на то, что в этом стаде «ни одной понурой, невеселой, повислой головы; все приподняты вверх и как будто с понятливым любопытством осматривают невиданных ими людей»¹⁰. Русская армия в мясе не нуждалась: «за каждым полковым обозом тянется еще обоз воловый или гонится целое стадо; пришли на бивуак, сейчас вола за рога – и готов ужин»¹¹.

2-я и 3-я гренадерские дивизии, переправившись через Дунай в начале октября 1877 г. и направляясь к Плевне, шли через местность, по которой пронесся «разрушительный

⁹ Гурьев В. В. Письма священника с похода 1877–1878 гг. М., 2007. С. 36.

¹⁰ Там же. С. 28.

¹¹ Там же. С. 21.

ураган войны»: разрушенные турецкие деревни, стаи бездомных собак на пепелищах, несжатые обширные поля с кукурузой и «нескошенная травушка на степях». Уцелели одни болгарские селения. О. Антон (Лебедев), на наш взгляд, вероятно, спрашивал у болгар, кто сжег и разорил турецкие селения. Они винили русские войска или турок, что у священника вызывало большие сомнения. Ему рассказывали, что еще до вступления русских войск в город, оставленный турками, в него первыми являлись болгары, ставили кресты на лучших домах и селились в них. О. Антон сам был свидетелем этого факта в Плевне: «пока Плевна держалась, в ней не видно было почти ни одного болгарина; но как только неприятель вышел из города, со всех концов нахлынули “братушки”» и заняли лучшие турецкие дома. Однако через несколько дней вернулись хозяева, стоявшие «до этого времени обозом за городом». Захват чужих домов и переселение в другие селения о. Антон объяснял тем, что болгарские села гораздо хуже, меньше и беднее турецких. «У турка и хата большая, с садом, и содержится чисто, у болгарина небольшая халупа, слепленная из хвороста и глины с небольшим окошечком, внутри без пола; нары до половины избы, заменяющие мебель и кровать»¹².

Гренадеров, двигавшихся от Дуная к Плевне, болгары встречали неприветливо. Причина этой неприязни, по мнению о. Вакха, заключалась в следующем: в течение нескольких месяцев через болгарские поселения проходили «чуть

¹² *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки во время последней Турецкой войны. Из походного дневника полкового священника. СПб., 1878. С. 7.

не ежедневно и целыми тысячами то русские, то румыны, и немилосердно» обирали болгар. «Смотреть за всем нельзя, да в походе и не церемонятся. И приходится бедным терять и те крупницы, которые уцелели от турок», – сочувствовал болгарам о. Вакх. Следует подчеркнуть, что офицерам русской армии вменялось строго спрашивать со своих солдат за мародерство, и военные священники постоянно внушали нижним чинам в проповедях, поучениях после молебнов и службы, а также в частных беседах о необходимости «жить с болгарами дружно, мирно, не обижать, за взятую вещь платить по стоимости, не пьянствовать, на постах быть зоркими, бдительными...»¹³, – о чем сообщал о. Александр (Цитович).

Заметим, что в «Письмах» В. В. Гурьева рассказывается только об одном случае мародерства, имевшем место 18 октября 1877 г.: в болгарской деревне Овчая Могила «не оказалось ничего съестного ни из царства пернатых, ни из четвероногих», поэтому санитары насильно отняли у «одной бедной болгарки» жестяной котелок. «Вой», поднятый женщиной, был услышан начальством, произвели обыск и возвратили ей «посудину»¹⁴. Позднее, размышляя над ошибками, допущенными в организации дивизионного лазарета и в самом деле оказания медицинской помощи, о. Вакх указал на недопущение в будущем укомплектовыв-

¹³ Цитович А. Из памятной книжки полкового священника. (От перехода через Дунай до пленения Шипкинской армии) // Прибавления к Калужским епархиальным ведомостям. 1878. № 8. С. 147.

¹⁴ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 19.

вать лазаретную прислугу (санитаров, носильщиков, обозных служителей) из состава «призывных» нижних чинов, поскольку в лазарет отправляли самых физически негодных к строевой службе, ни к чему не способных: «слепые, хромые и чающие движение воды¹⁵...» Не лучшим оказалось и «служебно-нравственное их состояние»: они были грубы, невнимательны и жестокосердны к раненым и больным, постоянно старались манкировать своими служебными обязанностями. О. Вакх указывал на отсутствие в его дивизионном лазарете строгой дисциплины – «этой души всех частей военного ведомства» – и допущение безнаказанности за явные проступки, что породило «в нижних чинах самовольство, самоуправство, даже наглость», что также приводило к процветанию пьянства, драк, взаимного воровства и даже мародерства. «Из церковной фуры выкрали таз, коврик, чайники, циновки. Ничему не давали спуска», – констатировал о. Вакх. На поле сражения у Плевны санитары не гнушались подбирать часы, цепочки, пустые кошельки, которые тут же пускали на продажу. В Казанлыке лазаретная прислуга начала продавать на базаре новое белье, фуфайки, шапки, чулки, полученные ранеными от Красного Креста –

¹⁵ «Чающие движение воды» – выражение возникло из евангельской легенды о купальне Вифезда (*евр.* «Дом милосердия») в Иерусалиме, «при которой было пять крытых ходов. В них лежало великое множество больных, слепых, хромых, иссохших, ожидающих [чающих] движения воды... Ангел по временам сходил в купель и возмущал воду; и кто первый входил в нее по возмущении воды, тот выздоравливал» (Иоанн, 5, 2–4). Употребляется в значении: ожидающие каких-либо благ.

«их, конечно, поймали». «Не даром же все ротные командиры, сравнивая молодых строевых солдат с “призывными”, постоянно определяли достоинство последних многозначительным прозвищем “*дрянь-людшики...*”»¹⁶ – писал о. Вахх. Необходимо подчеркнуть, что в русских войсках меры предупреждения и пресечения мародерства были самые разнообразные, начиная с того, что «солдат одних в город не пускали»¹⁷.

Генерал-адъютант И. В. Гурко, заметив, что «нестроевые чины, особенно денщики, более других склонны мародерству, пьянству и буянству, разрешил своей властью командирам частей подвергать их телесному наказанию, что сразу прекратило кой-какие шалости»¹⁸, – вспоминал В. Ф. Ореус, офицер, прикомандированный к л.-гв. Уланскому полку. А 8 августа 1877 г. было приказано прочесть приказ по действующей армии, в котором указывалось, что уличенные в мародерстве будут караться смертной казнью¹⁹. Но в дивизионном лазарете 3-й гренадерской диви-

¹⁶ *Гурьев В. В.* Письма священника ... С. 261–263. – *Здесь и далее курсивы даны как в тексте самих священников.*

¹⁷ *Зноско-Боровский Н. А.* Тяжелые минуты на Балканах. (Отрывки из дневника гвардейца) // Сборник военных рассказов [составленных офицерами-участниками войны 1877–1878 гг.]. Т. 4. СПб., 1879. С. 651.

¹⁸ *Ореус В. Ф.* Воспоминания о походе 1877–1878 гг. // Русская старина. 1884. Т. 43. № 8. С. 420.

¹⁹ *Карпов.* Воспоминания командующего 4-й ротой 5-го пехотного Калужского полка поручика Карпова о войне 1877–1878 гг. // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 90. СПб., 1911. С. 129.

зии, как уже отмечалось, было допущено серьезное послабление дисциплины, и это влекло за собой весьма негативные последствия.

У о. Антона составилась несколько иной взгляд на эту проблему (то есть негостеприимство болгар) во взаимоотношениях болгар и русских. «По наружному виду болгар и обстановке их жизни, – писал священник, – можно бы заключить, что в среде их господствует крайняя бедность. Но на самом деле здесь люди вовсе не так бедны». Выяснилось, что болгары не испытывали дефицит земли: на каждую семью ее приходилось «с избытком». К тому же земля была плодородной, луга – роскошные. На них паслись «огромные стада болгарские – овец, баранов, коз и волов». Многие болгары имели «парички и златицы²⁰». «Но все эти богатства у болгар скрыты: живое богатство – скот – пасется в горах, металл хранится в земле. И болгарин ни за какие деньги не выдаст вам тайны своего состояния». Когда русские обращались к болгарам, чтобы купить скот, курицу или яиц, в ответ слышали неизменное: «Нема братушка... Турка забирал!» О. Антон считал, что болгарин боялся сказать, что «у него есть те или другие предметы жизненных потребностей, потому что прежний его господин своими насильственными поборами приучил болгарина к скрытности». Впрочем, когда болгары убедились, что русские «не грабители» и без денег ничего не берут, то «стали кое-что показывать нам и с жадностью бросались на наши златицы». Нередко случалось и так: если болгарин видел, что русскому

²⁰ Парички и златицы (*с болг.*) – монеты (денежки) и золотые монеты.

покупателю та или иная вещь совершенно необходима, то он старался значительно увеличить цену и «взять с русского втридорога». Вспомнил о. Антон и несколько случаев «хитрости» болгар. Так, 2-я гренадерская дивизия стояла бивуаком у Плевны. Командир батареи купил вола, которого привели и закололи, вскоре пришел болгарин и стал жаловаться, что этого быка у него украли и продали русским. Жалобе этой поверили и заплатили болгарину полцены. На другой день повторилась та же история, «на третий день – опять». Понятно, что многие возмущались подобными фактами и «составили о братушках слишком нехорошее мнение», – писал священник. Однако, узнав «причины таких отношений братушек» к русским, о. Антон «неволью» извинял их: «они выросли в рабстве, подчинение из страха научило их хитрить и обманывать, а поведение самого господаря всегда служило для них живым примером нечестности. Наконец, самое положение их во время войны давало им повод хитрить и скрытничать перед русскими». Осенью 1877 г. исход войны был еще не известен, болгары не знали, останется ли у них прежний господин или будет новый. «Нисколько не удивительно, если по нашем уходе отсюда на вымогательства турка братушки будут отвечать ему: “Нема, братушка... всё Рус забирал!”»²¹, – замечал полковой иерей.

О. Антон составил описание внешнего облика болгарина, который был, впрочем, достаточно непривлекателен: «грязное лицо и руки, всклоченные волосы, суровый взгляд,

²¹ *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 7–8.

войлоковые или толстые штаны, теплая куртка, по поясу большой красный кушак или просто полотенце, на голове чалма с черной повязкой или, по преимуществу у молодых, красная феска, на ногах сандалии из необделанной бараньей или воловьей шкуры, за поясом нож. Женский пол ходит в рубахах и сарафанах, волосы в одну косу, на ногах башмаки или деревянные сандалии». Однако в городах и у себя дома «люди выглядят лучше»²². У о. Вакха сложилось иное мнение: в Ловче он любовался болгарками, особенно замужними женщинами, которых величал матронами. Последние отличались «своим глубоким патриотическим чувством». «Все они по большей части необыкновенно стройны, красивы, серьезны, даже строги; взгляд у них какой-то внушающий, повелительный; поступь неспешная, величавая». А дочь хозяев-болгар, у которых священник остановился в Ловче и которые перед самой войной выдали ее замуж, оказалась «положительно красавицей»²³.

О. Антон отметил, что «в умственном развитии болгарский народ в массе ушел весьма недалеко». В селениях, лежавших на пути 8-го гренадерского Московского полка, школ не было, только в городах Тырново, Габрово и Казанлыке имелись школы для воспитания городских мальчиков. Поэтому, делал вывод о. Антон, «простой народ блуждает во тьме невежества», а живя среди «роскошной природы», он «и тяготеет больше в ней, хотя способности

²² Лебедев А. Путевые наблюдения и заметки ... С. 7.

²³ Там же. С. 104–105.

к развитию имеет громадные». Полковой иерей вспоминал о встречах с крайне необразованными, но весьма смышленными людьми. «Если бы болгарам даны были средства к образованию, они не замедлили бы на деле доказать способности к развитию»²⁴, – был уверен русский священник.

Однако ситуация с болгарскими сельскими школами была не столь печальна, как считал о. Антон. В большом селении Трыстеник, где располагался лазарет 3-й гренадерской дивизии, приходская школа размещалась в каменном одноэтажном доме, хотя большинство жилищ за исключением «нескольких домиков и полудомиков, построенных из земляных кирпичей с черепичной кровлей», представляло собой землянки, в которых проживали «болгары вместе со своим домашним скотом, буйволами, коровами, лошадьми и пр.»²⁵. Следовательно, жители Трыстеника имели возможность отстроить для своих детей специальное и притом отличное здание для школы.

В своих записках о. Антон нередко сравнивал болгар с румынами, поскольку сумел познакомиться с последними во время походного марша 2-й гренадерской дивизии, которая, доехав до станции Унгены по железной дороге, двигалась к переправе через Дунай у Систова по дорогам Румынии²⁶. Священник отмечал, что в нравственном отношении болгары стояли выше румын: «разврата не замечается, целомудрие женщин строго охраняется». Только в Тырново проявлялись случаи разврата среди болгарок, и «виноваты

²⁴ Лебедев А. Путевые наблюдения и заметки ... С. 8.

²⁵ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 31.

²⁶ Плевна и гренадеры. М., 1887. С. 25.

в этом – “златицы”». «Кто деньгами не прельщается! Но женщин, занимающихся открытым развратом, среди болгарок не существует. Их заменяют в Болгарии румынки»²⁷, – писал о. Антон.

В продолжительное пребывание в Трыстенике (с 25 октября по 28 декабря 1877 г.) о. Вахх составил самое благоприятное впечатление о поведении сельских жителей: болгарин, прежде всего, «постоянно трезвый человек; отсутствие кабаков – это величайшее счастье для болгарина и неизлечимая общественная и семейная язва для нашего русского простолюдина!» – восклицал протоиерей. Благодаря этому болгарин «постоянно скромн, сдержан, рассудителен, миролюбив с соседями, а в своей семье – это тип доброты, мягкости, самого гуманного отношения ко всем членам семьи и, вместе с тем, это неизменно-верный супруг, всецело преданный своему домашнему очагу». О. Вахх находил время, чтобы обстоятельно побеседовать и с хозяином дома, в котором он квартировал, и с болгарами, у которых поселились врачи и офицеры. Последних он просил внимательно наблюдать семейную жизнь болгар и их взаимоотношения, и результат был один: «Мы, так называемые образованные русские люди, должны были только восхищаться прекрасным строем болгарской семейной жизни». Впрочем, о. Вахх не стал вдаваться в подробности, заметив, что на эту тему нужно писать целую монографию и прожить здесь не несколько месяцев, а несколько лет, чтобы все досконально изучить²⁸.

²⁷ *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 8.

²⁸ *Гурьев В. В.* Письма священника ... С. 96.

Военные священники находили время, чтобы через задушевную беседу ближе познакомиться с болгарами, понять строй их народной жизни, их чаяния. О. Вахк писал: «Нужно только уметь говорить и обращаться с народом, нужно уметь затронуть и вызвать его истинные чувства»²⁹. Длительное пребывание русских войск на Балканах сопровождалось возникновением разного вида контактов с местным населением. Военные священники встречались с болгарами во время церковных служб, при размещении раненых и больных по домам местного населения, во время их посещения. А в самые напряженные моменты, во время сражений, русским священникам нередко приходилось прибегать к помощи болгар.

Так, 8 (20) июля 1877 г., в разгар ожесточенной схватки 19-го пехотного Костромского полка за Плевну о. Иоанн (Софронов) решил привлечь к выносу раненых с поля боя к перевязочному пункту болгар, которые расположились невдалеке на возвышенности и являлись «зрителями непосильного боя» русских с турками. Их было около 300. О. Иоанн, подъехав к ним, выяснил, что говорить по-русски мог только архимандрит, не старый и благообразный на вид. Русский священник передал ему «свою покорнейшую просьбу» – «переносить раненых воинов, проливших кровь свою за други своя», «унести раненых от неминуемого зверства врага». «Задумчивые и угрюмые болгары обступили архимандрита. Едва архимандрит произнес несколько слов, как более 100 человек болгар поняли, в чем

²⁹ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 95.

дело, и бросились бегом, пешими и на ослах, по направлению к Гривице спасать раненых»³⁰, – вспоминал о. Иоанн. Следует сказать, что многие болгары (до 200 человек, включая женщин), убегая от турок, стали приходить к стоянке Костромского полка, который встал бивуаком рядом с селением Трыстеник 1 (13) июля 1877 г. Солдаты делились с ними своими сухарями и по возможности кормили горячей пищей. Поздним вечером 6 (18) июля полк двинулся к деревне Згалуицы (Сгаловец), чтобы 8 (20) июля, согласно приказу командующего Западным отрядом барона Н. П. Криденера, взять Плевну, важный узел дорог в Северной Болгарии. Вместе с костромичами вышли и болгары, «сопутствуя полку впереди, позади и по бокам». 7 (19) июля полк разбил лагерь рядом с Згалуицами. Вдали от деревни ближе к Плевне болгары убирали хлеб, не обращая внимания ни на русских, ни на турок. «Благодушие» обстановки вскоре было нарушено всадниками, которых костромичи вначале приняли за казаков, и только тогда, когда раздались выстрелы по русским цепям и когда турки бросились полосовать мирных болгар шашками, лагерь пришел в движение, артиллерия выехала на позиции и открыла огонь, а кавказский дивизион бросился вслед бегущему неприятелю. К лазаретным линейкам затем принесли восемь раненых болгар, которых врачи перевязали и передали родным, поскольку все болгары были из деревни Згалуицы. Во время

³⁰ *Софронов И.* Из дневника полкового священника 19-го пехотного Костромского полка в кампанию 1877–1878 гг. // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб, 1901. Вып. 20. С. 85–86.

страшного боя 8 (20) июля о. Иоанн видел, что болгары действительно добросовестно выполняли взятую ими на себя обязанность: «несли на себе и везли на ослах наших раненых, спасая их от острых башибузукских ятаганов». Резким контрастом явилось поведение полковых музыкантов, которых священник обнаружил прячущимися за стогами. Возмущенный их откровенной трусостью пастырь направил этих здоровых солдат (более 10 человек) на вынос с поля боя тела командира полка полковника И. М. Клейнгауза, но стоило о. Иоанну чуть отъехать, как музыканты повернули назад к спасительным стогам³¹.

Во время августовских тяжелых боев на Шипке о. Александр (Цитович), заметив, что санитары были утомлены до изнеможения, обратился к болгарам, которых «из любопытства весьма много было на перевязочном пункте», чтобы они помогли носить раненых. Болгары сразу же согласились. О. Александр предусмотрительно распорядился назначить к каждому носилкам трех болгар и одного русского санитаря, чтобы кто-нибудь из болгар, взявши носилки, не бросил их за скалой. Эта мера сильно облегчила работу санитаров, и раненых быстрее стали подносить на перевязочный пункт³², что с удовлетворением констатировал священник.

Позднее, 28 ноября (10 декабря) 1877 г., когда шла страшная сеча у Плевны, о. Вах при виде первых раненых и в связи с тем, что весь медперсонал лазарета кроме дежур-

³¹ *Софронов И.* Из дневника полкового священника ... С. 81, 83.

³² *Цитович А.* Из памятной книжки полкового священника. С. 129.

ных фельдшеров срочно отправился на позиции, распорядился, чтобы к нему позвали чорбаджи (сельского старосту) Трыстеника. «Тоном начальства» он приказал ему «сейчас же очистить еще 20 землянок, нанести в них соломы, поставить воды, а если можно, то хлеба, молока, собрать всех болгар, чтобы помогали выносить и укладывать раненых». Свое жилище он предоставил в полное распоряжение раненных офицеров, а сам поспешил к Плевне³³.

О. Вахх рассказал также о содействии болгар, оказанном во время сражения у Плевны 28 ноября. Штабс-капитан 9-го гренадерского Сибирского полка В. С. Гогфельдт (Гохфельд. 1849–1913), прикомандированный к штабу 3-й гренадерской дивизии и исполнявший обязанности коменданта Горного Нетрополя, «собрал, убедил и подвинул нескольких болгарок взять кувшины и нести свежую воду поближе к полю битвы для утоления естественной жажды бедных раненых». Он также «собрал и убедил нескольких братушек идти туда же и помогать... санитарам выносить или отводить раненых; собрал, сколько можно было, воловых и буйволовых подвод для перевозки тяжело раненых»; «убедил, а некоторых жителей и заставил уступить и очистить свои землянки для помещения в них страдальцев, поделиться с ними чем Бог послал»³⁴. Кроме того, после сдачи Осман-паши «по распоряжению начальства» болгары были задействованы в собирании трупов турок, которых закапывали

³³ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 61.

³⁴ Там же. С. 166.

в траншеи по всей позиции³⁵. О. Вакх был свидетелем исполнения этой печальной миссии болгарами вокруг лагеря у Шейнова: казаки-донцы собирали болгар из соседних деревень «в помощь для закапывания человеческих и конских трупов», валявшихся «на протяжении более пяти верст вокруг Шейновского лагеря»³⁶. В Хаскиойе 9-й гренадерский Сибирский полк был специально задержан на четыре недели для уборки трупов как в городе, так и в его окрестностях. «Ужас и ужас! Веришь ли, я боюсь за себя, боюсь одеревенеть, окаменеть, потерять всякую способность к восприятию живых впечатлений... Нервному человеку тут чистая мука, без болезни болезнь... От одних на каждом шагу попадающихся ужасов смерти и истребления поневоле измучишься и нравственно, и физически»³⁷, – писал о. Вакх своей супруге.

В своем походе от Плевны к Константинополю вместе с русскими войсками и лазаретами военные священники миновали множество городов и селений и практически повсюду встречали радушие со стороны болгар, у которых они останавливались на ночь. Болгары предоставляли им хороший обед, вино, постель, даже готовили баню. В Чирпане, где городское управление находилось в руках у болгар, помимо хлебосольного приема о. Вакху и его спутникам выделили конного проводника до Филиппопольского (Пловдивского) тракта.

³⁵ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 70.

³⁶ Там же. С. 127.

³⁷ Там же. С. 153.

О. Григорий (Лапшин) вспоминал о торжественной и теплой встрече видинскими жителями 138-го пехотного Болховского полка. 24 марта (5 апреля) 1878 г. полк из Рущука прибыл в Видин «тремя эшелонами на барках, буксируемых пароходами». Жители города вышли на берег Дуная: представители города по славянскому обычаю с хлебом-солью, а духовенство с крестным ходом, громкое «ура» и «живее» не умолкали, для офицеров и нижних чинов был накрыт обед. О. Григорий объяснял гостеприимство видинцев тем, что русские сменяли румынские войска, к которым «болгары не особенно дружелюбно относились», а также тем, что «русские войска в этих местах первый раз появились, и болгары, естественно, рады были ознакомиться со своим освободителем»³⁸. В продолжение длительной стоянки в Видине добрые отношения только укрепились. О. Григорий свидетельствовал, что за это время не было «ни одного случая столкновения или неприятности с местными жителями». Накануне выступления 6 (18) октября 1878 г. 138-го пехотного Болховского полка из Видина для дальнейшего следования «за Балканы в Херманлы на присоединение к своей дивизии» горожане угостили обедом офицеров и солдат. На площади были расставлены «столы с обильным запасом хлеба, мяса и вина». В плясках и играх, устроенных после обеда, принимали участие и русские, и болгары. «Глядя на эту оживленную картину, на смешанные группы людей,

³⁸ *Лапшин Г. П.* Мирная жизнь 138-го пехотного Болховского полка в Болгарии и возвращение его в Россию. (Из воспоминаний священника) // Вестник военного духовенства. 1892. № 13. С. 400.

обнимающихся и целующихся, видно было, что нижние чины полка успели сблизиться и сдружиться с обывателями»³⁹, – с удовлетворением записал о. Григорий.

В калейдоскопе приятных воспоминаний о. Вакха (Гурьева) о болгарских поселениях, однако, есть и иные – в двух городах Казанлыке и Адрианополе его поразило равнодушие членов городского управления, которые даже и не пытались посодержать усталым путникам в обретении ночлега. Бездеятельность городской администрации Казанлыка явилась затем не только серьезным препятствием в нормальной работе лазарета 3-й гренадерской дивизии, но и стала одной из причин развития эпидемии тифа. В Казанлыке врачам дивизионного лазарета гренадер, принявшим раненых от подвижного лазарета 9-й пехотной дивизии – всего 1500 человек, пришлось вступить в настоящую «битву» с членами городского магистрата, комендантом города, окружным начальником, чтобы обеспечить больных приличным и просторным помещением, продовольствием, лекарствами, котлами для приготовления пищи, кухонной посудой, одеждой. В городе имелось много пустых домов с выбитыми окнами и дверями, с разрушенными печками или каминами. Но местная администрация, отговариваясь нехваткой рабочих рук и материалов, не желала утруждать себя хлопотами – выписать их из Габрово, Сливена или Чирпана, которые «нисколько не пострадали и в которых торговля была ключом». В Казанлыке были сосредоточены все склады и огромные запасы Шипкинской армии Сулей-

³⁹ *Лапшин Г. П.* Мирная жизнь ... С. 409.

мана-паши, но из-за безразличной позиции местной администрации всё (продукты, лекарства, одежду и прочее) приходилось «брать только с боя и после нескольких стремительных атак»⁴⁰, – с огорчением констатировал о. Вакх.

Врачи били тревогу по поводу санитарного состояния Казанлыка: в продолжительное пребывание здесь армии Сулеймана-паши «все нечистоты людей и животных никогда не убирались и не закапывались; напротив, вся эта зловонная гниль огромными кучами вываливалась без разбора и по дворам, и среди улиц, и, в особенности, на городских площадях». Приход весны грозил вспышкой эпидемии, но «ничто не в состоянии было разбудить и подвинуть здешнюю администрацию к какой бы то ни было деятельности в этом отношении: ни подвод для отвоза нечистот, ни людей для копания ям в отдалении от города»⁴¹. Эпидемия тифа – прямое следствие пассивности администрации г. Казанлыка.

В Забалканской Болгарии военные священники получили возможность наблюдать воочию взаимоотношения трех основных народов Европейской Турции: болгар, греков и турок. О. Антон (Лебедев) писал, что турки составляли «господствующее население во всех частях своей страны», болгарские селения находились «по преимуществу в Румелии до Адрианополя», южнее преобладали греки, а болгары встречались исключительно в городах. Полковой иерей обратил внимание на то, что каждый народ жил отдельно: в болгарских селениях не жили турки и

⁴⁰ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 134–135.

⁴¹ Там же. С. 164.

греки, в греческих – соответственно болгары и турки, в турецких не было греков и болгар. Только в городах эти три народа проживали вместе, но каждый селился в своем квартале в отдельной части города, отчего все города делились на три части. Дома в городах отличались от деревенских домов своим благоустройством. О. Антон заметил, что у многих греков дома были роскошнее турецких и что греки, занимавшиеся по преимуществу торговлей, жили богаче турок. Греки «не трудятся как русский мужик, они и не так забиты, как болгары. Земля дает им хлеб и обилие плодов земных, а природная хитрость предохраняет их от бед и козней своих соседей»⁴², – писал о. Антон.

«Познакомившись несколько с турецким народом и достаточно узнавши греков», о. Антон и его сослуживцы по 8-му гренадерскому Московскому полку убедились, что «между болгарами и турками не было бы сильной вражды, а тем более резни и зверств, если бы между ними не замечались греки». Русские подчеркивали большие различия в жизни и положении двух православных народов, греков и болгар, «среди одного и того же врага христиан»: «болгары бедны, забиты, их режут, вешают», а греки – «зажиточные купцы и живут припеваючи». 2-я гренадерская дивизия стояла в г. Узун-Кепре (Мост-Узун), в котором турки «повесили 40 болгар и ни одного грека!» Выяснилось, что болгар казнили только за то, что они радовались успехам русского оружия и с нетерпением ожидали своих защитников. «Кто

⁴² *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 14, 16.

мог узнать эту задушевную радость болгар и выдать их с головою туркам – об этом не трудно догадаться»⁴³, – писал о. Антон.

О. Вакх, направляясь из Казанлыка в Адрианополь, с радостью наблюдал весенне-полевые работы: «болгары и турки со всеми своими уцелевшими домочадцами роются в земле как муравьи; везде кипит горячая, спешная работа – очистка и пересадка розовых и виноградных кустов». «Удивительно, как скоро мирный земледельческий труд примиряет между собою людей!» – восклицал священник. Еще недавно два народа, два соседа в страшной вражде «беспощадно резали друг друга, грабили и опустошали взаимно свои скудные пожитки», а «с заключением военного перемирия как будто везде заключено и перемирие соседское, общественное». О. Вакх не сомневался в том, что недавние непримиримые враги, возделывая землю, оказывали «при этом друг другу те или другие услуги, необходимую помощь, взаимные одолжения». В самом Казанлыке русских поражали взаимоотношения турок и болгар: «На улицах, на базаре они толпятся вместе, торгуются, спорят, опять слаживаются, как будто между ними никогда ничего не бывало». А сам город по-прежнему сохранял следы «той страшной, нечеловеческой вражды, которая так недавно еще свирепствовала здесь со всеми своими разрушительными ужасами» – безжизненные развалины домов, еще не везде убранные трупы. «Это замечательное, чисто психическое явление мы с удивлением наблюдали и в Казанлыке,

⁴³ *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 20.

и в Габрове, и на всем нашем маршевом пути от Плевны»⁴⁴, – писал о. Вакх.

Разумеется, военные священники с особым вниманием вглядывались в церковную жизнь болгар, поэтому в их воспоминаниях содержится много интересных наблюдений. О. Антон констатировал, что в Болгарии храмов было достаточно, а их «устройство совершенно сходно с румынским»; только за Балканами внешняя форма иная: их устраивают «в простых домах, ни колоколов, ни креста не позволялось иметь. Внутри – бедность и простота»⁴⁵. В с. Трыстенике находилась полуразрушенная каменная церковь, в Горном Нетрополе, в пяти верстах от Трыстеника, где дислоцировался штаб 3-й гренадерской дивизии, стояла небольшая каменная церковь, которая не была разрушена турками, но зато дочиста ими разграблена и осквернена. Пожилой священник, наученный горьким опытом, заранее спрятал в земле все иконы и утварь, но остались иконы, написанные на стенах и в нишах алтаря, «их-то и не пощадил дикий турецкий фанатизм: у Христа Спасителя и у Божьей Матери штыками изbodenы»⁴⁶ пречистые очи». Болгарский священник рассказывал, что «турки после июльских событий с каким-то диким опьянением бросились неистовствовать в болгарских селениях на этой стороне Вида и, между прочим, бесчинствуя и богохульствуя во святых храмах,

⁴⁴ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 143–144.

⁴⁵ Лебедев А. Путевые наблюдения и заметки ... С. 8–9.

⁴⁶ «Выколоты» (Ср. церковно-слав. избодение «прокол»).

старались обращать их в самые нечистые, непотребные места»⁴⁷. О. Григорий (Лапшин) весьма нелестно отзывался о болгарских храмах: «бедны и неблаголепны, а иконопись в них в совершенно первобытном состоянии»⁴⁸. О. Антон (Лебедев) свидетельствовал, что у болгарских священников св. одежды были ситцевыми и шерстяными (в России верхнее облачение для богослужения изготавливалось из парчи), а св. сосуды (потир, дискос, звезда, лжица, копие, дарохранительница, сосуд для хранения св. мирра) оловянные и медные, которые в русских храмах запрещены⁴⁹.

О. Антон отмечал, что духовенство, по крайней мере, сельское, ничем не отличалось от поселянина: «одежда одна и та же, о рясах и подрясниках и помину нет ни дома, ни в храме». В городах он иногда встречал священников «в духовной румынской форме, и непременно в черной». О. Вакх также сокрушался по поводу внешнего вида священника в Трыстенике, которого «ничем нельзя было отличить от простолюдина: такое же убогое рубище, свитка, одинаковы и шапка, и обувь»⁵⁰.

Военные священники узнали, что болгарские священники, не получая никакого содержания, жили пособиями от прихожан и полностью от них зависели. В народе их называли попами, по своему образованию большинство из них стояло «немного выше своих прихожан: умеют читать, писать и считать». Тем не менее, они пользовались «большим

⁴⁷ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 38.

⁴⁸ Лапшин Г. П. Мирная жизнь ... С. 411.

⁴⁹ Лебедев А. Путевые наблюдения и заметки ... С. 9.

⁵⁰ Гурьев В. В. Указ. соч. С. 43.

уважением от народа» и имели «большое влияние на него»⁵¹.

О. Вакх рассказал о посещении убогого жилища болгарского «старика-священника» в Трыстенике – попа Стояна: «Вот нищета поразительная, душу раздирающая!» «В переднем углу землянки грыз кукурузные стебли привязанный на веревке барашек, а из глубины задней части выглядывали две бессмысленные головы белоглазых буйволов». Для о. Вакха быстро расстелили прямо на земляном полу дырявую циновку и предложили в качестве угощения горячую полужидкую мамалыгу, заправленную бараньим жиром и сильно сдобренную перцем. По просьбе гостя болгарский священник, принеся довольно еще новый «Великий Требник» московской печати, начал читать, но о. Вакх усомнился в том, что болгарский коллега «понимал» читаемый им текст. Русский протоиерей отмечал, что болгары понимали «древнеславянский язык, от которого сохранилось много слов и грамматических форм в их современном народном языке», и это обстоятельство облегчало о. Вакху, знавшему церковно-славянский язык, объясняться с болгарями. При виде грязного-прегрязного свертка, бережно развернутого и оказавшегося епитрахилью хозяина дома – «священной богослужебной одеждой», у о. Вакха слезы подступили к глазам, а поп Стоян, «с грустью качая своей седой головой, пояснил: “Всичко Турек забирал”». На прощанье о. Вакх подарил хозяйке серебряный рубль, а внучке священника – двухфранковую монету. Деньги болгары

⁵¹ *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 8.

«стыдливо приняли» только после слов о. Вакха – «на память»⁵².

О. Вакх также поведал о посещении другого болгарского священнослужителя и его семейства в селе Горный Нетрополь. Его жена, «женщина пожилая уже, в длинной толстой холщевой рубаше, в доморощенно-суконной короткой свитке, расшитой шнурками, с закутанным в белую чадру лицом, босая, сидела по-турецки на земле у очага, окруженная тремя босыми, полунагими ребятишками. Она жарила для них кусок баранины, держа его одной рукой над угольями и поворачивая за реберную косточку, а другою поминутно отстраняла то одного, то другого ребенка, которые с криком и жадностью порывались вырвать у нее из рук лакомый для них кусок... Обстановка землянки ужасна. До слез было больно смотреть на это положение истинно безотрадное, на эту нищету безвыходную...»⁵³, – сокрушался о. Вакх.

Неприятно поражали военных священников многие реалии религиозной жизни болгарского населения. Так, 6 (18) ноября 1877 г. о. Вакх после воскресного богослужения обходил со св. крестом все лазаретные шатры и землянки, где помещались больные. Он отмечал благотворное влияние этих посещений на больных, которых в то время было 298 человек. «Многие со слезами радости и горячей молитвы прикладываются к кресту, слабые подползают на коленях, а к самым слабым, не могущим повернуться, сам я

⁵² Гурьев В. В. Письма священника ... С. 43–44.

⁵³ Там же. С. 38.

подползаю... Посмотрели бы вы, с какой невыразимой отрадой встречают меня эти недугующие, страждущие!» Но о. Вакха удручило поведение болгар: при встрече с русским священником, в полном облачении, со св. крестом в руках, с торжественным пением «*Спаси, Господи, люди Твоя*», даже старики не снимали шапок, не прикладывались ко кресту, не умели правильно перекреститься. А малые дети и подростки совсем не имели никакого понятия «даже о внешней стороне христианства». Однако и поп Стоян «не счел приличным снять с головы шапку, перекреститься, приложиться». О. Вакх заставил его и его спутников «снять шапки, перекреститься и приложиться ко кресту», и затем только пошел дальше⁵⁴.

В Казанлыке точно в такой же ситуации, когда о. Вакх при посещении больных переходил из дома в дом, болгары, хозяева этих домов, везде выходили русскому священнику «навстречу за ворота и с видимым благоговением прикладывались ко кресту; все встречавшиеся на улице точно так же снимали шапки и с глубоким почтением подходили, крестились и прикладывались; а дети целую толпой сопровождали» процессию, слушая «стройное пение певчих». О. Вакх, отмечая этот отрадный факт, делал вывод о том, что «здесь, в Казанлыке, и вообще, как говорят, за Балканами болгары гораздо религиознее и развитее, нежели по ту сторону, около Дуная». Но может быть дано и другое объяснение: болгары Казанлыка, попав в сферу действий русской армии, быстрее переняли внешние религиозные обычаи русских, чему значительно способствовали и победы

⁵⁴ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 42–43.

русского оружия. О. Вакх также сообщил мнение о том, что «турецкое влияние гораздо сильнее отразилось на жителей по ту сторону Балкан, нежели здесь, в долинах Тунджи и Марицы, где и самое население болгарское гораздо многочисленнее»⁵⁵.

Известно, сколь много внимания уделялось в русской армии благоговейному, чинному совершению богослужения в полковых церквах как важнейшей форме религиозно-нравственного воспитания военнослужащих. Благолепному богослужению много способствовало церковное пение, и одна из обязанностей полкового иерея состояла не просто в управлении церковным хором, а в неустанной заботе о его развитии. Воспоминания военных священников свидетельствуют о том, что во время молебнов они возносили, прежде всего, хорошо известные солдатам молитвы, поскольку прекрасно понимали их значение на войне. Поэтому для полковых священников неожиданным открытием было то, что «у болгар по деревням при всех богослужениях не употребляется церковное пение – священник читает ектению и сам же себе отвечает на все возгласы». О. Вакх писал, что болгары поэтому просто говорили – «поп читал обедню, вечерню, молебен или какое-либо другое молитвословие», а не «служил, отправлял, совершал богослужение». Болгарские священники, по замечанию о. Вакха, сами весьма слабо понимали церковно-славянский богослужебный язык. Подобная форма «читанного богослужения» «невыносимо скучною монотонностью», как и непонимание языка бого-

⁵⁵ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 141.

служения простыми болгарами, не привлекают, а скорее отталкивают прихожан. Болгары, писал о. Вахх, посещали свои храмы очень редко, неохотно и на самое короткое время: поставят свечу и поскорее уходят домой. «В церкви ничто их не привлекает и не интересует»⁵⁶.

Но и богослужение в храмах болгарских городов, как и в сельских церквях, вызывало у русских священников критическое отношение. Так, о. Вахх пришел 1(13) января 1878 г. на литургию в Ловече. Служил молодой болгарский священник «и ужасно путал; между тем, в алтаре стояли, не участвуя в службе, более десяти священников». И здесь болгары и, особенно, болгарки, лишь на минуту входили в церковь, «ставили свою тоненькую желтую свечку и сейчас же удалялись из церкви». Одни только русские солдаты стояли неподвижно и чинно. О. Вахх, переговорив со священником подвижного лазарета 3-й пехотной дивизии, приказал певчим дивизионного лазарета гренадер «стать на клирос и начать пение с Херувимской песни». «Зазвенел наш Тамберлик (рядовой 11-го гренадерского Фанагорийского полка Шебелов – превосходный тенор. Прозвание Тамберлика получил от начальника дивизии)». В церкви «мгновенно водворилась тишина», и движение прекратилось: болгары и болгарки «с заметным удовольствием» вслушивались «в гармоническое пение». К концу обедни церковь была «полна до тесноты, и все стояли как вкопанные...» «Что значит церковное пение! Какое оно имеет громадное значение в религиозно-народной жизни!» – восклицал русский священник.

⁵⁶ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 94.

Надо сказать, что русские с трудом воспринимали церковное пение болгар. О. Антон (Лебедев) констатировал: «Пение громогласное с различными вариациями»⁵⁷. О. Вакх отзывался о пении болгарских священников, слышанном им в Ловче, Габрове, Эски-Загре, как о пренеприятном, но оказалось, что «пение греческих монахов в Чорлу положительно невыносимо. Это какой-то колоссальный диссонанс, мучительно терзающий уши и невольно возбуждающий нервное раздражение». О греческой манере петь русский священник писал: «Пение возбуждает у греков какой-то азарт, энтузиазм, каждый певец приходит в экстаз и дерет, не слушая других, не помня себя...»⁵⁸.

Но вернемся в церковь в Ловче, где в продолжение литургии 1 января о. Вакх стоял в алтаре «и смотрел на братушек во Христе, болгарских священников». Их поведение «во святом алтаре, у престола Божия, во время совершения величайшего таинства» было, по его мнению, «более нежели предосудительно». «Они бродили по алтарю, громко разговаривали, даже ссорились между собою, спорили о чем-то с видимым азартом, не обращая ни малейшего внимания на то, что в глазах их совершалось на престоле Божиим». О. Вакха и священника подвижного лазарета 3-й пехотной дивизии окончательно вывело из себя то, что один довольно уже пожилой болгарский поп «по окончании литургии, в то время как литургисавший священник потреблял на жертвенник Св. Дары, преспокойно тут же, в алтаре, надел свою баранью шапку». Русские священники «не

⁵⁷ *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 9.

⁵⁸ *Гурьев В. В.* Письма священника ... С. 191.

могли не заметить ему все неприличие его поступка». Но, как оказалось, «у болгар все это допускается, и потому никого не возмущает»⁵⁹.

Пройдя через Плевну, Ловчу, Габрово, Казанлык, Эски-Загру, Хаскиойе, лежавшие на маршевом пути гренадер, и очутившись, наконец, «в пустынном Чорлу», о. Вахх везде с прискорбием наблюдал одну и ту же картину в церкви – необычную неряшливость, допущенную в св. алтаре болгарским и греческим духовенством. «Кучи всяческого мусора сваливаются под престол, тут и половые щетки, и тряпки, пустые бутылки, разбитые лампадки, бумажки с поминальными записями и всякий другой хлам. На горнем месте то же самое. На престол священники кладут свои ризы, когда разоблачаются после богослужения; прислужники кладут и снимают с него не только богослужебные книги: служебники, канонники или поминальные записочки, облачение, но даже и св. Крест и Евангелие; подобрав на полу какую-нибудь бумажку, мочалку и т.п., церковный прислужник преспокойно подходит к престолу, подымает одежду и бросает туда этот сор»⁶⁰. Разумеется, военные священники, получив греческую церковь в Чорлу в свое распоряжение для проведения богослужений для русских воинов, сразу ввели в ней свои порядки: «прежде всего очистили алтарь от мусора и пыли, которая, накопившись годами, лежала на всем очень толстыми слоями». Русские через переводчика объяснили грекам, что в России «алтарь

⁵⁹ Гурьев В. В. Письма священника ... С. С. 104.

⁶⁰ Там же. С. 190.

и, в особенности, св. престол почитаются величайшею святыней, что прикасаться ко престолу, кроме священника и диакона, никому не дозволяется, что класть на него книги, записочки, облачение – строжайше воспрещено»⁶¹.

Порядок и благообразие не соблюдались и в такой великий праздник как Крещение Господне во время крестного хода на Иордан (Янтру) болгарского духовенства в г. Габрово. Впереди всех «выступал какой-то мальчишка в шапке» «с большою книгой в руках и выкрикивал: “*Глас Господен на водах вопиет, глаголя*”», за ним шли «несколько священников в крайнем беспорядке, а один из них, уже пожилой, в ризах, с Евангелием в руках, далеко отстал от прочих и шел среди толпы женщин, с которыми с видимым увлечением о чем-то разговаривал...»⁶².

Понятно, что болгарская паства следовала примеру своих пастырей. В Ловче во время литургии некоторые из болгар стояли в турецких фесках на головах, а по окончании службы тут же, в церкви, многие надели шапки⁶³. О. Александр (Цитович) также указывал, что греки, как и болгары в церкви стояли в фесках, «но подражая русским, они теперь, входя в церковь, скидают фески и стоят с открытыми головами»⁶⁴. Небрежение в церкви переносилось и в дом: о. Антон вспоминал, что в редком доме можно было видеть св. иконы, да и те содержались неаккуратно. Сама иконная

⁶¹ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 190.

⁶² Там же. С. 108.

⁶³ Там же. С. 104.

⁶⁴ Цитович А. Из памятной книжки полкового священника. С. 151–152.

живопись казалась русским странной, о. Александр (Цитович) предполагал, что иконописание у болгар «не цензурное». Он увидел в приходской церкви села Ашиклара «святого, изображенным с феской на голове; феска намалевана красной краской и к ней даже приделана кисть – значит святой изображен в парадной форме турецких аскер (солдат)»⁶⁵. О. Антону (Лебедеву) также случилось видеть в одной деревне за Балканами в болгарском доме икону, на которой был изображен святой в красной турецкой феске⁶⁶. Это новомученик Георгий Янинский (1808–1838), который после истязаний был повешен турками за то, что не хотел принимать ислам, и через год (в 1839 г.) был канонизирован при Константинопольском патриархе Григории VI. Георгий Янинский является покровителем Янины, и его почитание распространено в Западной Македонии и Эпире.

Без сомнения, военные священники, осматривая болгарские города, заходили и в мечети. Особенно великолепна была знаменитая мечеть Селима в Адрианополе (Эдирне). Болгарские и греческие церкви, построенные во время владычества турок, по сравнению с мечетями «замечательны разве только своими очень скромными размерами и своим крайним убожеством» и порождали «гнетущее чувство»⁶⁷.

В городах, через которые прошли русские войска и где создавалась местная администрация из болгар, многие мечети передавались православным. В Эски-Загре о. Вакх за-

⁶⁵ Цитович А. Из памятной книжки полкового священника. С. 152.

⁶⁶ Лебедев А. Путевые наблюдения и заметки ... С. 7.

⁶⁷ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 182.

шел в такую мечеть, обращенную в церковь. Она производила странное впечатление: «в куполе и по стенам огромные турецкие надписи из Корана, а в одном углу ничем не покрытый столик и на нем христианская икона и деревянный крест с Распятием; на столике славянские богослужебные книги московской печати, по которым совершается православное богослужение». На вопрос русского священника, отчего не уничтожены турецкие надписи, болгарский священник «skonфyзился, даже растерялся и нерешительно» ответил, что еще не успели сделать. Но о. Вахх понял, что «на самом деле они еще боятся турок, еще не верят в благополучный для них исход настоящей войны и оставляют турецкие надписи из опасения, что турки могут снова вернуться и тогда им, болгарам, придется жестоко заплатить за поругание магометанской святыни...»⁶⁸. Кроме того, по-видимому, болгары еще не успели забыть страшную резню и погром после отступления Передового отряда. Посетили русские гости эту мечеть-церковь «во время общего поминовения усопших в субботу мясопустную: толкотня страшная и беспорядок возмутительный – бабы-болгарки шумят и толпятся со своими панихидами (коливо), мальчишки в шапках бегают по церкви во время самого богослужения!»⁶⁹.

Рассказы о. Вахха о пребывании в Чорлу, о своем общении с греческим духовенством, о церковных порядках и службах в греческой церкви убеждают в том, что болгарская церковь, которая в 1870 г. обрела свою самостоятельность

⁶⁸ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 175–176.

⁶⁹ Там же. С. 176.

в борьбе с Константинопольским патриархатом, во время нахождения русской армии на Балканах во многом сохраняла весь прежний строй церковной жизни. В Чорлу о. Вакх обратил внимание на то, что местные греки так же, как и болгары, редко ходят в церковь, даже в Великий четверг на торжественное богослужение Двенадцати Евангелий «явилось не более десяти-пятнадцати стариков», хотя на хорах, устроенных по восточному обычаю специально для женщин, «за густыми решетками блистали многочисленные огоньки»⁷⁰.

Во время долгой стоянки в Трыстенике о. Вакх с прискорбием узнал, что болгары «своих детей-девочек не крестят до 14 и 15 лет в том предположении, что девочка, достигнув совершеннолетия, может выйти замуж за турка, тогда ей не нужно будет переменять веру»⁷¹. Любопытно, что о. Антону (Лебедеву) о подобной практике поведал бедный болгарский священник, вероятно, в одном из забалканских городов, однако из его рассказа следовало, что так поступали не болгары, а греки. Объясняя русскому священнику, почему турки не одинаково относились к болгарам и грекам, болгарский священник сообщил, что «греки жили заодно с турками». Когда приезжал в город какой-нибудь турецкий начальник, паша или офицер, «они предлагали ему и жен, и дочерей, жаловались» на болгар, клеветали на них «и, чуть придет беда, отрекались от своего православия». Болгарин утверждал также, что *«многие греки не крестили*

⁷⁰ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 214.

⁷¹ Там же. С. 43.

своих дочерей, чтобы выдать их за турок, потому-то им и жилось хорошо!» Ни один болгарин «не решался на это и потому терпел»⁷².

Во время своего пребывания в городах и селениях Европейской Турции русские старались не только существенно оздоровить в них санитарную обстановку, вычищая улицы от многолетних залежей мусора и навоза, но и улучшить материальное состояние православных церквей. Так, например, церковь в Горном Студене, куда переехала Главная квартира вместе с императором Александром II, «надрывала сердце» русских своей убогостью. «Снаружи он (храм. – М. Ф.) походил на какой-то большой каменный и не оштукатуренный сарай, почти без окон и с низким входом». «Внутри вместо царских врат были двери, сколоченные из двух досок; грязная, порванная ситцевая занавеска прикрывала их; лубочные образа, нарисованные на бумаге, представляли из себя иконы; окна не имели рам; за неимением колокольни и колокола жителей призывали на молитву ударами колотушки в железную доску. Священник служил без риз, и одеяние его состояло из грязной накидки, сшитой из тряпок». Сначала по приказанию генерал-майора М. П. Тучкова окна были заклеены бумагой, престол обит материей, была сшита новая завеса, повешено несколько икон. После торжественного освящения церкви император пожертвовал в храм иконостас, а свита собрала по подписке

⁷² *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 20.

деньги, чтобы выписать из России церковную утварь, образа и другие необходимые для богослужения принадлежности⁷³.

Подобные щедрые дары изливались и на другие церкви. С 6 ноября 1878 г. 138-й пехотный Болховский полк был расквартирован близ Херманлы, в селах Тырново-Семенли и Оваджике и в деревне Кучук-Еренджике. Одновременно с устройством помещений для офицеров и солдат начальник 35-й пехотной дивизии генерал-лейтенант Н. Е. Баранов, хотя и был евангелическо-лютеранского вероисповедания (принадлежал к той ветви старинного русского дворянского рода, которая, переселившись в XVI в. в Прибалтику, совершенно онемечилась), в заботе о нравственно-религиозных потребностях солдат приказал привести в приличный вид местную церковь села Семенли. В одном из полков дивизии – 139-м пехотном Моршанском – среди солдат было «много недурных иконописцев». Они написали иконы для всего иконостаса, полковые столяры сделали иконостас по рисункам Н. Е. Баранова. На пожертвования офицеров дивизии приобрели церковную утварь. И «обновленный храм производил очень приятное впечатление»⁷⁴, – констатировал о. Григорий (Лапшин).

Военные священники нередко служили вместе с болгарскими и старались научить их некоторому порядку богослужения, принятому в России. Так, на Рождество Христово

⁷³ *Серафим (Чичагов Л. М.)*. Дневник пребывания Царя-Освободителя в Дунайской армии в 1877 году. СПб., 1995. С. 266.

⁷⁴ *Лапшин Г. П.* Мирная жизнь ... С. 411.

о. Вакх (Гурьев) служил вместе с попами Трыстеника Стояном и Нико в здании школы, где прежде размещались большие дивизионного лазарета, поскольку, как уже было сказано, церковь села Трыстеник стояла полуразрушенной. Болгар было много, но, по замечанию русского священника, «бедные, они и креститься почти не умеют». Внешняя обстановка службы, которую совершал о. Вакх, то есть красивое облачение, блестящий крест в руках, серебряное кадило, а также его «громкое, раздельное, понятное произношение возгласов, молитв, Евангелия», стройное, звучное пение полковых певчих – «все это вместе производило на болгар сильное впечатление и, видимо, им нравилось», – полагал о. Вакх. По окончании литургии он объяснил значение молебна, который совершался русской церковью в первый день праздника Рождества Христова «в память избавления России от нашествия французов в 1812 г.». Болгары слушали «с большим вниманием и любопытством»: почти все они понимали по-русски, а некоторые, как отмечал о. Вакх, даже говорили, «хотя, конечно, с грехом пополам». В конце молебна, после вечной памяти императору Александру I, о. Вакх «произнес многолетие всероссийскому, румынскому, сербскому, черногорскому христолюбивому воинству и защитникам своего многострадального Отечества – болгарским дружинам». Это «многолетие произвело на болгар сильнейшее впечатление»: «они не знали как и чем выразить свой восторг, заговорили громко, зашумели и, подходя ко кресту, целовали меня со слезами радости, а по выходе из школы они устроили мне целую овацию – проводили до самой квартиры с восторженными криками: “Да

живей Русский Царь, да живей русский поп на многа лета!»⁷⁵, – писал о. Вакх.

Заслуживает внимания рассказ о. Григория (Лапшина), которому довелось участвовать 7 августа 1878 г. во встрече видинского митрополита Анфима, первого экзарха Болгарского экзархата (1872–1877). В начале апреля 1876 г. он был смещен и затем сослан Портой в Малую Азию как «ухо России», по выражению самого Анфима. После заключения Сан-Стефанского договора митрополит был амнистирован и «полуразбитый параличом» вернулся в свою епархию. Русские власти, все жители города, духовенство во главе со своим викарным епископом Парфением с крестным ходом вышли навстречу старцу к селению Видбон, в 7 верстах от Видина. Преосвященный Парфений попросил о. Григория привести собор Видина в тот порядок, какой устраивался, когда в нем служил русский священник, так как «блаженный Анфим, уверял епископ, очень любит русские порядки в храме». О. Григорий собрал всех полковых певчих и встретил экзарха при входе в храм кратким приветствием с крестом в руках, а певчие пропели «Достойно есть» и «Многая лета». Собравшееся болгарское духовенство «нестройно и беспорядочно столпилось в одну группу для принесения Господу благодарственных молебствий». Затем русский иерей по просьбе Анфима служил молебен, после которого видинский митрополит, прозванный за свое красноречие «болгарским Златоустом», произнес речь. Со слезами на глазах старец «высказал свою радость, видя болгарский народ свободным от ига турецкого, перечислил

⁷⁵ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 95.

жертвы, принесенные русским народом за болгар, и именем Божиим и слезно убеждал болгар помнить и вечно благодарить русского императора и русский народ за все эти жертвы, при этом просил все хорошее перенимать и усвоить, учиться у старшего брата». «Вид плачущего старца, его полная убеждения и чувства речь имели поражающее впечатление: с ним плакала почти вся церковь», – вспоминал о. Григорий. Митрополит видинский сердечно поблагодарил русского священника «за великое удовольствие, доставленное ему стройным пением полковых певчих», и просил «к предстоящему воскресному служению прорепетировать с певчими архиерейское служение и указать место и долю участия каждого из болгарских священников, имеющих участвовать в служении»⁷⁶.

О. Григорий исполнял службу совместно с болгарским духовенством в течение Страстной недели. Болгарам понравилось «стройное пение господ офицеров на правом клиросе и нижних чинов на левом» во время Пасхальной утрени. После литургии многие болгары приходили к полковому иерею с поздравлениями, прислав предварительно подарки: яйца или калач, кусок жареной баранины, графин вина или что-либо из «женских рукоделий». О. Григорий узнал, что, согласно обычаю, он тоже должен посылать подарки, но за неимением таковых ему пришлось одаривать рублями, что, впрочем, не считалось у болгар неприличным. А вот христосоваться и целоваться в Пасху с мужчинами

⁷⁶Лапшин Г. П. Мирная жизнь ... С. 407–408.

считалось у болгар не обязательным, а с женщинами – даже непозволительным⁷⁷.

У о. Григория сложились добрые отношения с митрополитом Анфимом: два-три раза в неделю старец или приглашал русского священника к себе, или сам к нему приезжал, а также брал с собой кататься за город на виноградники. О. Григорий писал, что они заезжали на виноградники не только к болгарам, но и к туркам, которые принимали священнослужителей «крайне любезно и с неподдельным радушием». Анфим часто и с удовольствием «вспоминал время пребывания своего в Московской академии [духовной – М. Ф.] и называл это время лучшими годами своей жизни, рассказывал о своей деятельности во время греко-болгарской распри, о своей жизни в Константинополе, о католической пропаганде и о своей жизни в ссылке, при этом очень хвалил добродушие и нравственные качества малоазиатских турок». На прощание он подарил о. Григорию свою карточку с собственноручной надписью⁷⁸.

А у о. Вакха с греческим протосинкелом, настоятелем монастыря в Чорлу, теплые отношения так и не сложились. Он даже не указал имени грека, а только отметил, что протосинкел – «человек еще молодой, очень красивый, статный, осанистый – настоящий кровный фанариот», «живет не в монастыре, а на частной квартире в самом городе». Объяснения с греком шли через переводчика-болгарина, который с о. Вакхом говорил по-русски, а с протосинкелом –

⁷⁷ Лапшин Г. П. Мирная жизнь ... С. 401–402.

⁷⁸ Там же. С. 408.

по-турецки. Уже первый визит к греческому настоятелю выявил почву для будущей холодности в отношениях. Протосинкел принял благочинного 3-й гренадерской дивизии чрезвычайно любезно и предупредительно, по восточному обычаю угостив гостя сладостями, без всяких возражений передал в полное распоряжение русских соборную церковь монастыря на все время поста. Но затем о. Вакха неприятно удивило то, что грек хранил в одном шкафу с посудой Евангелие – «в отличном бархатном переплете с золотом», а также шкатулочку с золотыми крестиками, в каждом из которых, по уверению грека, находились частицы св. мощей. Однако благоговение, с которым о. Вакх приложился к крестикам, тут же исчезло от замеченной на лице протосинкела «лукавой, саркастической улыбки». Настороженность, возникшая при этом у русского священника, оказалась не напрасной: хитроумный грек предложил ему купить несколько крестиков, а в России их продать с большой выгодой. Затем после деликатного отказа, он достал «несколько мелких камешков, величиною в горошину, завернутых в разноцветные бумажки», и заявил, что «эти камешки от гроба Господня, что он их получил в дар от самого патриарха Иерусалимского и что также в знак своего великого уважения» к о. Вакху и «ко братству во Христе он готов уступить их» ему «за самое ничтожное вознаграждение». Разумеется, «это торгашество якобы священными предметами» возмутило русского священника до глубины души.

Во время ответного визита к о. Вакху протосинкел вновь попытался заручиться поддержкой благочинного в своих коммерческих предприятиях: он предложил ему

распространить среди офицеров и солдат сведения о том, что у него «*продаются* по дешевым ценам разные останки церковной святыни и что желающие приобрести от него что-нибудь могут обращаться за этим непосредственно в его квартиру»⁷⁹. Затем протосинкелу не могло понравиться то, что договор с русскими на поставку им свечей и просфор был аннулирован, поскольку они были низкого качества. Свечи изготавливались греками не из чистого пчелиного воска, а из растительного⁸⁰ с примесью овечьего сала, отчего такая свеча начинала в руках сразу мякнуть и расплываться. Для совершения литургии греки употребляли не пять, а одну «большую просфору с пятью на ней печатями» и изготавливали ее «из простой пшеничной муки с прибавлением к ней или ячменной, или кукурузной», поэтому греческие просфоры выходили «темные, черные и притом очень низенькие, что-то вроде двух лепешек, положенных одна на другую». Из-за этого военные священники решили все выписывать из Константинополя или Одессы.

Благолепие службы, отправляемой русскими священниками, стройность, мелодичность и благозвучие хора полковых певчих, чинное поведение русских во время службы – все находилось в явном контрасте с греческим ведением богослужения, с греческим «громким, резким, гнусливым завыванием», с бесцеремонностью греческой паствы в церкви. Превосходство русских задевало греков, которые

⁷⁹ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 188–189.

⁸⁰ Растительный воск – добывается из растений. Многие растения обладают способностью продуцировать восковидные вещества. Воск создает защитную пленку и покрывает ей различные части растений: стебли, листья, цветы, плоды.

остались явно недовольными совместным богослужением в Великий четверг вечером (на службе 12-ти Евангелий), а «протосинкел просто был сердит и поглядывал как-то свирепо»⁸¹. Явственно обозначившиеся нелюбезность и сухость в отношениях в тот день остались такими же и в дальнейшем.

Военные священники свидетельствовали, что болгары с видимым удовольствием посещали богослужения, которые отправляли полковые иереи, перенимали некоторые формы поведения в церкви, с благодарностью воспринимали участие русских иереев в их религиозной жизни и порой предпочитали приглашать русских для совершения церковных обрядов, а болгарские священники охотно служили вместе с русскими и нередко уступали обычаям русских при служении литургии.

Реалии церковной жизни болгарского населения, с которыми военные священники познакомились в период пребывания русской армии в Европейской Турции, воспринимались ими с заведомой критикой, но без осуждения. Все недостатки и нестроения в церковной дисциплине, как и отсутствие благолепия объяснялись тяжким многовековым иноверческим владычеством, тяжелым положением церкви и ее паствы. Военные священники были уверены, что можно будет исправить все эти недостатки и водворить в болгарских храмах необходимое благочиние после принятия коренных мер со стороны руководства болгарской церкви.

⁸¹ Гурьев В. В. Письма священника ... С. 190, 214, 216.

Тяжелые военные дороги Балканского полуострова, ведущие от Дуная до берегов Мраморного и Эгейского морей, позволили военным священникам узнать в деталях повседневную жизнь болгар, понять и вникнуть в их заботы, думы, надежды, а также, проанализировав свои впечатления и приобретенные знания, сформулировать некоторые выводы. О. Антон (Лебедев) заключал: «Наши братушки придунайские и забалканские – все шиты на одну колодку: грубы и необразованны и составляют единое стадо баранов, пастырем которых долгое время был “злой турка”. Но не все из них одинаково терпели от своего пастыря. На убогих лачужках забалканских братушек, на их рваной и грязной одежде, на их серьезно-унылых лицах яснее отразился турецкий гнет, под которым выжили они пять столетий. Эти несчастные терпели не только от турок, но и от своих братьев и соседей – греков. <...> Нельзя не пожалеть их тем более, что забалканские болгары беднее, добрее и более сочувственно относились к русскому народу, чем северные»⁸².

О. Григорию (Лапшину) во время пребывания полка в Видине довелось близко познакомиться с известными впоследствии, видными болгарскими деятелями: Петко Каравеловым, Драганом Цанковым, Др. Моловым и капитаном Николаевым. Все они, кроме Цанкова, были людьми уже средних лет, обучались в свое время в России, о которой сохранили наилучшие воспоминания. На тот момент они не занимали еще видные должности, но «и тогда уже этот маленький кружок образованных болгар стремился

⁸² *Лебедев А.* Путевые наблюдения и заметки ... С. 19.

к власти и проявлял крайнюю рознь во взглядах на будущую политическую жизнь в Болгарии», – свидетельствовал о. Григорий. В этом кружке иногда появлялась «молодежь из учителей болгарских школ», получивших воспитание в Австрии и Венгрии. На о. Григория эти молодые люди производили неприятное впечатление: «без любви к Родине, без православных убеждений, даже без веры в Бога, со взглядами иезуитской школы, что цель оправдывает средства». Кроме того, они постоянно выражали «глухую, сдерживаемую только присутствием русских злобу к существующим порядкам и ненависть к России». «При таком составе интеллигенции, будущих деятелей болгар, можно было предвидеть те печальные последствия, которые совершили в Болгарии потом»⁸³, – заключал о. Григорий.

О. Вакх не разделял упреки многих в адрес болгар, подчеркивая, что «если с болгарам обходиться ласково, исправно выплачивать стоимость забираемых продуктов звонкою монетой, а не бумажными квитанциями, с которыми они не знают, что делать, то у них всегда можно было достать, по крайней мере, самые важные продукты продовольствия – муку и мясо». «И многим нашим неразборчивым укорителям и поносителям болгар мне хотелось бы напомнить изречение: врачу, исцелился сам», – писал священник.

Таким образом, полковые священники в записках и воспоминаниях, рассказывая о своих походных буднях, о сражениях, немало места уделили и впечатлениям от

⁸³ *Латишин Г. П.* Мирная жизнь ... С. 409.

встреч с болгарским населением. При этом, в отличие от офицеров русской армии, в силу своей профессии, они большее внимание обратили на состояние болгарских церквей, на традиции и действительность религиозной жизни болгар и их пастырей.

П. А. Искендеров

**БЕРЛИНСКИЙ КОНГРЕСС 1878 Г.
И ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ДЛЯ БАЛКАН**

Статья посвящена истории заключения Берлинского трактата 1878 г. и его военно-политическим последствиям для Балкан. Основное внимание уделено развитию ситуации в зонах региональных конфликтов. В центре внимания автора также находятся политика и интересы России.

Ключевые слова: Россия, Берлинский конгресс 1878 г., Балканы, великие державы, конфликтология, межнациональные отношения.

P. A. Iskenderov

**BERLIN CONGRESS 1878
AND ITS POLITICAL IMPLICATIONS TO
THE BALKANS**

The article is devoted to the Treaty of Berlin of 1878 and its aftermaths for the Balkans. The author pays particular attention to the situation in the conflict zones of the region. The Russia's politics and interests are also under consideration.

Keywords: Russia, Congress of Berlin of 1878, Balkans, Great Powers, conflictology, interethnic relations.

Берлинский конгресс 1878 г. относится к числу таких исторических событий, значимость которых с течением времени только возрастает. Ни две опустошительные общеевропейские войны, ни последующий период кардинальных общественно-формационных изменений в Восточной Европе не сняли с повестки дня те вопросы, которые обсуждали летом 1878 года умудренные опытом ведущие европейские дипломаты. Необходимость и возможность утверждения и сохранения на Балканском полуострове принципа «статус-кво», создание системы территориальных и военно-политических сдержек и противовесов, раздел региона на сферы влияния, механизмы функционирования региональной инфраструктуры, обеспечение прав этнических и конфессиональных меньшинств – все эти вопросы не утратили своей актуальности и сегодня. А нынешние балканские конфликты – продолжающие существовать на уровне межгосударственных и внутригосударственных противоречий – в значительной мере берут свое начало в базовых принципах и конкретных решениях, заявленных в 1878 г. и зафиксированных в Берлинском трактате.

Какую же роль в балканских делах сыграл проходивший с 13 июня по 13 июля 1878 г. Берлинский конгресс? На

этот счет в историографии существуют подчас диаметрально противоположные оценки. Российский историк В. Н. Виноградов считает, что именно в результате работы Берлинского конгресса и подписания 13 июля итогового трактата на Балканах «рухнула доктрина статус-кво, препятствовавшая развитию полуострова, подкреплявшая османскую власть в регионе»¹.

С другой стороны, вряд ли будет преувеличением сказать, что на смену прежнему «статус-кво» пришло новое состояние аналогичного характера – предусматривавшее максимально длительное сохранение в неизменности принципов, выработанных в Берлине. И вряд ли стоит удивляться тому обстоятельству, что главным хранителем нового «статус-кво» на Балканах выступила Германия – исходя, в первую очередь, из финансово-экономических соображений. К 1912 г. эта страна «оттеснила на второй план все остальные европейские державы (кроме Англии) в области торговли и в сфере капиталовложений в местную промышленность», а «наиболее прочно Германия чувствовала себя в Болгарии, Румынии и в европейских владениях Турции». «Чтобы укрепить эти позиции, Берлин придерживался в балканской политике принципа статус-кво. Германию устраивала сложившаяся ситуация на балканском рынке, обеспечивавшая ее интересы. Экономическое превосходство германского империализма должно было, по замыслам немецкого правительства, способствовать установлению и

¹ Виноградов В. Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 160.

политической гегемонии Германии на Балканах», – обоснованно отметил в этой связи российский исследователь Ю. А. Писарев².

Британская исследовательница М. Виккерс подчеркивает и, очевидно, даже преувеличивает влияние решений Берлинского конгресса на пересмотр внешнеполитических приоритетов России. По ее мнению, «Берлинский конгресс более или менее заглушил амбиции России на Балканах. И она была вынуждена с этого времени переключить свое внимание на восточное направление, где вскоре вступила в конфликт с молодой японской державой»³.

К. Шиндлер в своей статье на такую, казалось бы, весьма далекую от Берлинского конгресса и Балкан тему, как политическая история Израиля 1990-х годов прямо призывает использовать опыт Берлинского конгресса для решения современной палестинской проблемы. «Почему великие державы, передавшие, согласно Берлинскому договору от 1878 г., Болгарию болгарам и Сербию сербам, не могут вернуть Палестину евреям?» – задается он спорным, но базирующемся на исторических аналогиях вопросом⁴.

Хватает в историографии и противоположных оценок. Так, французский историк А. Мале полагает, что, «вернув Македонию под владычество султана, Европа по наущению

² Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 14–15.

³ Vickers M. The Albanians. A Modern History. London – New York, 1995. P. 33.

⁴ Shindler C. Likud and the Christian Dispensationalists: A Symbolic Relationship // Israel Studies. Vol. 5. 2000. P. 158.

Англии и Австрии вопиющим образом нарушила требования гуманности»⁵. Однако подобные констатации, насколько могут быть по-человечески понятными, настолько же и бессмысленны, когда речь идет о вопросах геополитики.

Говоря о Берлинском конгрессе как, по сути, первом опыте балканского миротворчества, необходимо отметить масштабную подготовительную работу, которую провели практически все его участники из состава «концерта великих держав» – и которой подчас так не хватает сегодняшним форумам. Сам Берлинский трактат стал верхушкой айсберга, в основе которого находились скрытые от постороннего взгляда торги, согласования и взаимные уступки. По инициативе председательствовавшего на Конгрессе германского канцлера О. Бисмарка, участники форума всячески избегали дискуссий на открытых заседаниях. Как только по тому или иному вопросу намечались противоречия – он снимался с обсуждения и переносился на уровень частных переговоров заинтересованных сторон. И лишь после достижения согласия он вновь ставился на открытое обсуждение «для официальной формулировки решения»⁶.

Более того, как справедливо подчеркивает американский исследователь в области международных отношений С. Фей, «почти все существенные вопросы были урегулированы до открытия конгресса, во время различных предварительных переговоров; таким образом, конгрессу оставалось только зарегистрировать решения, которых уже добился

⁵ История XIX века / Под ред. Лависса и Рамбо. Том 7. М., 1939. С. 448.

⁶ История дипломатии. Том второй. М., 1945. С. 48.

Бисмарк, чрезвычайно старавшийся удовлетворить интересы как Австрии, так и России»⁷.

Последняя мысль, правда, представляется не столь очевидной – принимая во внимание характер принятых в итоге решений и наступивший затем кризис в российско-германских отношениях.

Впрочем, «сан-стефанская» Болгария, способная стать региональным тяжеловесом, не отвечала интересам не только Англии и Австро-Венгрии, но и балканских столиц. И в Афинах, и в Бухаресте, и в Белграде также негативно отнеслись к условиям Сан-Стефанского прелиминарного договора. А следовательно, настаивая на полной реализации Сан-Стефанского соглашения, Россия рисковала остаться с одним (пусть и мощным) союзником, и одновременно обрести на Балканах враждебный блок в лице Сербии, Румынии и Греции. Тот же самый блок, который спустя 35 лет поставит Болгарию на грань военной катастрофы в дни второй Балканской войны 1913 г.

Берлинский конгресс явил собой международный форум, всего лишь засвидетельствовавший предварительно проделанную его участниками гигантскую подготовительную работу. Каждая из великих держав готовилась по-своему. Но все придавали одинаково большое значение предстоящим решениям, выходявшим далеко за рамки собственно Балканского полуострова. Преддверие Берлинского конгресса – это не только дипломатические контакты, меморандумы и требования. Это еще и срочные меры военно-политического характера, как, например, вотирование

⁷ *Фей С.* Происхождение мировой войны. Т. I. М., 1934. С. 55.

австрийской и венгерской парламентскими делегациями кредита на пополнение запасов вооружений. И послание английской королевы к очередной сессии национального парламента, из которого следовал вывод о грядущей мобилизации резервистов. И приведение в боевую готовность румынской армии. И активные закупки Россией в США судов с прицелом на возможное начало общеевропейской военной кампании. Н. П. Игнатъев уже летом 1877 г. обсуждал данный вопрос напрямую с британским военным агентом Уэлсли. Российский дипломат предупредил, что война с Россией станет губительной для Англии, поскольку соединенный русско-американский флот парализует английскую торговлю и отрежет метрополию от ее колоний, породив тем самым социально-экономический и политический кризис в самой Англии, которая останется без сырьевых ресурсов. Разумеется, подобный вывод был определенным преувеличением, однако в качестве одного из «факторов сдерживания», безусловно, имел право на существование⁸.

Это, наконец, и многие другие элементы, содержавшие в себе одновременно военно-прикладные и сугубо демонстративные аспекты⁹.

Что же касается «чистой дипломатии», то непосредственной предтечей Берлинского трактата можно считать особый русско-английский меморандум, подписанный в Лондоне 30 мая 1878 г. Именно данный документ формально закрепил пересмотр самого спорного положения

⁸ Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 255–256.

⁹ История XIX века. С. 444.

Сан-Стефанского договора о расширенных границах Болгарского княжества. В обмен на это, а также на отказ от ряда территориальных завоеваний на кавказском фронте Россия заручилась поддержкой со стороны Англии других положений Сан-Стефана. Конечным результатом сложной игры британской дипломатии стало приобретение Англией права занять стратегически важный остров Кипр – что предусматривалось тайным договором Лондона с Османской империей от 4 июня 1878 г. Данный документ содержал положение о британском содействии Порте в защите ее владений на Кавказе, но при этом признавал передачу России Батума, Ардагана и Карса. Подписанное же 6 июня Англией и Австро-Венгрией соглашение о совместной политической линии на предстоящем Берлинском конгрессе фактически стало завершающим документом, предопределившим решения, принятые в столице Германии. Обе державы договорились не допустить расширения болгарской территории к югу от Балканского хребта. Кроме того, Австро-Венгрия заручилась британской поддержкой своих планов оккупации Боснии и Герцеговины.

Пожалуй, единственный момент, когда ход заседаний Берлинского конгресса мог серьезно отклониться от заранее распisanного сценария, был связан с демаршем английского делегата Б. Дизраэли (лорд Биконсфилд), который пригрозил 20 июня покинуть форум. Поводом послужили британские журналисты, обнародовавшие содержание секретного русско-английского меморандума от 30 мая, но при этом не знавшие о существовании англо-турецкой Кипр-

ской конвенции от 4 июня. В результате британское общественное мнение обвинило Дизраэли в излишней уступчивости по отношению к России – что и спровоцировало всплеск его активности в Берлине, в частности – по вопросу о статусе Восточной Румелии, судьбах Софийского санджака и сроках пребывания в Болгарии русских войск. В результате компромисс был достигнут на основе передачи Софийского санджака Болгарии при одновременном предоставлении Порте права вводить войска в Восточную Румелию. Что же касается продолжительности русского военного присутствия в Болгарии, то оно было установлено на девять месяцев – в отличие от полугодового срока, предусмотренного англо-австрийским соглашением от 6 июня 1878 г.¹⁰

Не допустить появления на Балканах региональной сверхдержавы – именно этот принцип стал ключевым для подавляющего большинства участников Берлинского конгресса. И данную задачу Конгресс выполнил. Более того, даже после второй Балканской войны 1913 года те же великие державы попытались умерить чрезмерные аппетиты победивших Болгарию балканских союзников, отдавая себе отчет в том, что миру и стабильности на Балканах противопоставлены как чрезмерно усилившиеся, так и униженные страны, и народы. Последующая роль Болгарии в Первой мировой войне лишь подтвердила этот тезис.

Далее, именно Берлинский договор, предусматривавший создание на Балканах целого ряда национальных независимых государств, стал фактически первым документом

¹⁰ История дипломатии. Том второй. С. 48–49.

во всемирной дипломатической истории, прописавшим международно-правовое обеспечение прав национальных меньшинств. Говоря словами Д. Филпотта, защита меньшинств наконец стала нормальным условием, возложенным на новые государства¹¹. В Болгарии, Восточной Румелии, Румынии, Сербии, Черногории, а также на всех территориях Османской империи провозглашалась полная свобода совести, все граждане вне зависимости от вероисповедания получали гражданские и политические права. Таким образом религиозное, гражданское и политическое равноправие было впервые документально закреплено как универсальные ценности для Балкан вне зависимости от государственной принадлежности тех или иных областей. А статья 44 Берлинского трактата, обязывавшая Румынию обеспечить равные права проживавшим на ее территории евреям, прямо касалась «еврейского вопроса», считавшегося особо актуальным для Балкан.

Следует также сказать, что и слабость, и противоречивость решений Берлинского конгресса, в свою очередь, явились следствием как раз попыток нарисовать на Балканах сбалансированную картину – в том числе в плане определения границ. Балканы – один из классических регионов мира, где границы, нарисованные на основе этнического принципа, не могут решить межэтнические проблемы, а лишь закладывают новые «мины замедленного действия». Ведь сами эти границы очень часто носят условный характер, не учитывая этническую «чересполосицу», сложный процесс

¹¹ См.: *Philpott D. Sovereignty: An Introduction and Brief History // Journal of International Affairs. Vol. 48. 1995.*

многовекового этногенеза, а также объективно сформировавшиеся культурно-исторические особенности различных частей одного и того же этноса, разделенного государственными, религиозными, природными и прочими разграничительными линиями.

С этой точки зрения Берлинский конгресс стал примером своеобразной искусственной и сознательной «балканизации сверху», когда из одной Болгарии делалось две, их границы искусственно сужались за счет македонских земель, когда на три части оказывался разделенным сербский этнос, когда не были учтены национально-государственные интеграционные устремления албанцев. Ситуация усугублялась исторически присущей Балканскому полуострову сложной этно-конфессиональной ситуацией, одной из ключевых отличительных особенностей которой выступало то обстоятельство, что, говоря словами российского этнографа Ю. В. Ивановой, ислам расколол балканское общество «не по этническому признаку, а по религиозному, который в действительности был признаком социальным»¹².

При этом, создав на Балканах мозаику независимых, автономных, оккупированных и прочих государств, территорий, провинций и областей, державы-«миротворцы» в лучших традициях геополитики позаботились о том, чтобы сохранить в неприкосновенности «святая святых» –

¹² *Иванова Ю. В.* Албанцы и славяне: закономерно ли противостояние? // Материалы XXVIII межвузовской научно-методической конференции преподавателей и аспирантов 15–22 марта 1999 г. Санкт-Петербург. СПб, 1999. С. 24.

транспортные пути. Главная водная артерия региона – Дунай – объявлялась нейтральной и свободной для судоходства. Проход военных кораблей через черноморские проливы по-прежнему запрещался, и даже передававшийся России порт Батум получал статус порто-франко (вольной торговой гавани) и должен был использоваться исключительно торговыми судами.

Теперь балканским странам предстояло направить усилия на хозяйственное освоение обретенных территорий, преодоление финансово-экономических последствий трехлетнего международного кризиса, решение накопившихся политических вопросов и новых межнациональных – то есть заняться тем, что сербы с присущим им красноречием называли «консолидацией военных завоеваний». С этими задачами балканские народы и государства справились лишь отчасти.

Компромиссы, достигнутые между самими великими державами, с одной стороны, позволили урегулировать кровопролитный Великий восточный кризис 1875–1878 гг., вместивший в себя несколько войн, но с другой – сохранили на беспокойной балканской земле старые узлы противоречий и завязали новые: македонский, косовский, добруджанский, боснийский и ряд других.

Особое значение для последующего развития ситуации на Балканах и в Европе в целом имело определение судьбы Боснии и Герцеговины. Решение Берлинского конгресса 1878 г. предоставить Австро-Венгрии право оккупировать эти две провинции Османской империи создало в регионе один из актуальных и сегодня узлов межэтнических и

межгосударственных конфликтов. Соответствующие нормы были прописаны в XXV статье Берлинского трактата: «Провинции Босния и Герцеговина будут заняты и управляемы Австро-Венгрией. Австро-венгерское правительство, не желая принять на себя управление Новибазарским (Новопазарским. – *П. И.*) санджаком, простирающимся между Сербией и Черногорией, по направлению на юго-восток за Митровицу, оттоманское управление останется в нем в действии по-прежнему. Но для того, чтобы обеспечить существование нового политического строя, а также свободу и безопасность путей сообщения, Австро-Венгрия предоставляет себе право содержать гарнизоны, а также иметь дороги военные и торговые на всем протяжении этой части прежнего боснийского вилайета»¹³.

Данное положение проложило путь к укреплению позиций Австро-Венгрии на Балканах и одновременно стало катализатором переориентации внешнеполитических приоритетов Сербии и Черногории. В том, что касается Сербии, оккупация Боснии и Герцеговины со стороны Австро-Венгрии стала водоразделом в косовской политике Белграда, поставив воссоединение этих территорий во главу угла его внешнеполитического курса. На международном уровне такой поворот был закреплен 28 июня 1881 г. секретным политическим договором с Австро-Венгрией. Через этот документ Сербия заручилась поддержкой своих планов террито-

¹³ Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 193.

риального расширения в южном направлении («в направлении долины Вардара»¹⁴ – что охватывало как Косово, так и Македонию) взамен от своего отказа от претензий на Боснию и Герцеговину и Новопазарский санджак. Первым конкретным шагом на пути реализации нового плана стало открытие в 1889 г. ряда сербских консульств в европейских областях Османской империи – приуроченное к 500-летию битвы на Косовом Поле. Особая роль среди этих дипломатических представительств отводилась консульству в Приштине¹⁵.

Далеко идущие планы в сфере собственного территориального расширения в привязке к решениям Берлинского конгресса по Боснии и Герцеговине все более активно разрабатывало руководство Черногории, в первую очередь – князь (а с 1910 г. – король) Никола. По его указанию была разработана программа действий, рассчитанная на переход приграничных албанских племен под юрисдикцию Черногории. Как открыто признал в своей беседе с российским военным агентом Н. М. Потаповым военный министр Черногории М. Мартинович, «взгляды великих держав на желательность скорейшего обновления Турции и закрепления в ней нового политического строя совершенно не совпадают теперь с нынешними видами и помыслами Черногории» и не исключена возможность того, что пока Турция еще не окрепла, Княжество «попытается заварить кашу на

¹⁴ *Petrovich M. B.* A History of Modern Serbia 1804–1918. Vol. 2. New York and London, 1976. P. 273.

¹⁵ *Перуничич Б.* Писма српских конзула из Приштине 1890–1900. Београд, 1985. С. 14.

Балканах, дабы затем вознаградить себя прилегающими частями Албании и старой Сербии за потерю надежд на восприсоединение к нему Боснии и Герцеговины»¹⁶.

Еще большую неудовлетворенность решения Берлинского конгресса вызвали в среде набиравшего силу албанского национального движения. Уже 10 июня 1878 г. – за три дня до открытия Берлинского конгресса – в косовском городе Призрен с участием 80 делегатов состоялось первое заседание всеалбанского учредительного собрания Албанской лиги (получившей в связи с этим свое второе название – Призренская)¹⁷. Среди собравшихся в Призрене делегатов преобладали крупные албанские феодалы, лидеры влиятельных местных кланов и представители мусульманского духовенства не только из Косово и Албании, но и Болгарии, Боснии и Герцеговины, Македонии и Новопазарского санджака, а также турецкие чиновники. Они приняли программу, написанную на турецком языке и озаглавленную «Карарнаме» («Книга решений»)¹⁸. Программа имела достаточно умеренный характер и включала в себя такие основные положения, как «безоговорочная лояльность по отношению к турецкому султану», «борьба до последней капли крови против какой-либо аннексии албанских территорий», «объединение всех населенных албанцами территорий (Косовский, Битольский, Янинский и Скутарийский, или Шко-

¹⁶ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 2082. Л. 60.

¹⁷ *Castellan G. L'Albanie*. Paris, 1980. P. 10.

¹⁸ *Reuter J. Die Albaner in Jugoslawien*. München, 1982. S. 18.

дринский, вилайеты. – П. И.) в одну провинцию, управляемую турецким генерал-губернатором», «придание албанскому языку официального статуса» и «введение национальной армии под командованием турецкого офицера»¹⁹. «Наша главная цель – сохранение царских прав неприкосновенного его величества султана, нашего господина, – говорилось в одном из пунктов программы. – Поэтому все те, кто этому противится и мешают миру, те, кто стремится ослабить авторитет власти, те, кто этому помогает, будут рассматриваться как враги нации и родины, и если не изменят свое мнение, и если они будут нападать на лояльных граждан царства, будут изгнаны из нашей страны»²⁰.

В программе подчеркивалось негативное отношение албанцев к планам территориальных приращений соседних албанских государств за их счет: «Имея перед глазами балканскую землю, мы не позволим ни за что, чтобы иностранные войска топтали нашу землю. Болгарскому правительству мы не признаем даже имя. Если Сербия мирным путем не уйдет с бесправно занятых территорий, то мы пошлем против нее башибузуков (хакинджилеров), и будем стараться до конца занять те территории, и в том же ключе будем действовать против Черногории»²¹. Программа предусматривала и возможное территориальное расширение Лиги за пределы первоначально обозначенных районов:

¹⁹ *Reuter J.* Die Albaner in Jugoslawien. S. 18

²⁰ Албанский фактор в развитии кризиса на территории бывшей Югославии. Документы. Том первый (1878–1997 гг.). М., 2006. С. 40.

²¹ Там же.

«Представители других краев (земель), которые хотят присоединиться к Лиге, будут охотно приняты, и мы их внесем в список Лиги как друзей власти и страны»²². Столицей объединенного албанского вилайета предполагалось сделать город Охрид в силу его центрального географического положения²³.

Одновременно делегаты направили специальный меморандум участникам Берлинского конгресса (открывавшегося 13 июня 1878 г.), а также турецкому правительству и дипломатическим представителям великих держав в Константинополе, в котором акцентировали внимание Европы на вышеуказанных положениях. В частности, в меморандуме, адресованном представлявшему на Берлинском конгрессе Великобританию премьер-министру Дизраэли, говорилось: «Мы не являемся и не хотим быть турками, но точно так же мы всей своей силой выступим против любого, кто захочет обратить нас в славян, или австрийцев, или греков; мы хотим быть албанцами»²⁴. В Берлин отправилась полномочная делегация Албанской лиги во главе с Абдюлем Фрашери. Кроме того в Лондоне, Париже и Берлине были распространены петиции с изложением требований Призренской лиги.

Однако деятелям албанского национального движения не удалось принять участие в работе европейского форума наравне с представителями их балканских соседей и

²² Албанский фактор в развитии кризиса ... С. 40.

²³ *Vickers M.* The Albanians. P. 33.

²⁴ *Skendi S.* The Albanian National Awakening. 1978–1912. Princeton, 1967. P. 45.

даже добиться включения в повестку дня обсуждения в отдельном виде албанского вопроса. Великие державы отрицали сам факт существования албанской нации (непосредственная фраза – «албанская нация не существует» – принадлежала председателю Конгресса германскому канцлеру О. Бисмарку²⁵) и рассматривали территории с албанским населением лишь в качестве географического понятия.

И хотя решение Берлинского конгресса о сокращении территории Болгарии, предусмотренной Сан-Стефанским прелиминарным договором, объективно было позитивным для Албании (тем самым район города Корча оставался в составе Османской империи), – документы, подписанные в германской столице, предполагали передачу Черногории, помимо Бара и Подгорицы, двух городов со смешанным албано-славянским населением – Плава и Гусинье, а Греции – значительной части Эпира, в том числе и районов с преобладающим албанским населением. По сути, вследствие действий великих держав «Албании пришлось значительно урезать свою территорию в пользу соседей»²⁶.

Афинский корреспондент лондонской газеты «Таймс» сообщал о том значении, которое греческое руководство придавало «албанскому направлению» своей внешней политики, рассматривая присоединение города Янина в качестве первого этапа постепенной «эллинизации» Албании²⁷.

²⁵ *Castellan G.* L'Albanie. P. 10.

²⁶ *Искендеров П. А.* Призренская лига 1878–1881 гг. // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 7.

²⁷ *Vickers M.* The Albanians. P. 38.

Соответствующие карты широко распространялись как в самой Греции, так и в других европейских странах²⁸. Впрочем, аналогичные великодержавные программы разрабатывались и в других столицах региона. Более того, «концепция “великой страны”, занимавшая постепенно господствующее положение во внешнеполитических ориентирах балканских государств, уже была чревата межгосударственными конфликтами несмотря на то, что объективно молодые страны полуострова, обретшие или восстановившие свою государственность, являлись союзниками в борьбе с главным противником – Османской империей»²⁹.

Весной 1879 г. Призренская лига впервые активно повлияла на международную ситуацию. В городе Превеза 6 февраля 1879 г. начались греко-турецкие переговоры по вопросу территориального разграничения между двумя странами. Положение об их проведении было прописано в решениях Берлинского конгресса, предусматривавших передачу Греции Турцией Фессалии и значительной части Эпира, включая населенную албанцами область Чамерию. Эти планы встретили противодействие со стороны Албанской лиги, которая на заседании в январе 1878 г. в Превезе постановила провести всеобщую мобилизацию и оказать вооруженное сопротивление в случае попыток реализации вышеназванного решения Берлинского конгресса.

²⁸ *Peckham R. Sh. Map Mania: Nationalism and the Politics of Place in Greece, 1870–1922 // Political Geography. 2002. Vol. 19. № 1.*

²⁹ *Улуяни А. А. Политическая история современной Греции. Конец XVIII в. – 90-е гг. XX вв. М., 1998. С. 78.*

Руководство Османской империи было хорошо осведомлено о позиции албанцев и использовало это в своих интересах. В марте греко-турецкие переговоры были прерваны по инициативе Константинополя, объяснившего свой шаг опасениями албанского восстания. Руководство Албанской лиги, со своей стороны, решило объяснить великим державам собственный взгляд на проблему греко-турецкого разграничения и, в частности, отказ от передачи Эпира Греции. В конце марта 1879 г. Абдюль Фрашери вместе с еще одним видным деятелем албанского национального движения – Мехметом Али Вриони – посетили, помимо Константинополя, все ведущие европейские столицы, за исключением Санкт-Петербурга, – Рим, Париж, Лондон, Берлин и Вену. Они стремились ознакомить правительства и общественность великих держав (в своем подавляющем большинстве рассматривавших Албанскую лигу как порождение и политический инструмент турецких властей) с национальными интересами и требованиями албанцев³⁰, в сжатом виде изложенными в меморандуме, переданном европейским правительствам. В документе, в частности, говорилось: «Албанцы сохранили свою родину, свой язык и свои нравы, отразив в варварские времена нападения римлян, византийцев и венецианцев. Как можно допустить, чтобы

³⁰ В ходе этой поездки албанские делегаты имели беседы, в частности, с такими видными политическими деятелями тогдашней Европы, как министры иностранных дел Англии и Франции Р. Солсбери и В. Ваддингтон, а также глава итальянского кабинета А. Депретис.

в век просвещения и цивилизации нация, столь храбрая и столь привязанная к своей земле, была принесена в жертву, отдана без каких-либо законных оснований алчному соседу?»³¹. В своей аргументации и требованиях делегаты Албанской лиги пошли еще дальше и поставили вопрос о принадлежности Албании не только Чамерии, но и всего Эпира, включая города Превеза, Янина и Арта как важные экономические и военно-стратегические центры. К тому времени провинция Эпир включала в себя четыре санджака – Берата, Гирокастры, Янины и Превезы. А район, который албанцы называли «Чамерия» (или «Южная Албания»), греки именовали «Северный Эпир». В качестве одного из аргументов авторы меморандума ссылались на понимаемое весьма «расширитель-но» историческое право: «Албанский народ более древний, чем греческий народ; известно, что в старину Эпир был одной из составных частей Албании, и никогда греки в какой-либо мере не владели этой страной»³². Впрочем, с географической точки зрения, эта концепция имела право на существование в том плане, что Эпир и Фессалия были обособлены: центр Эпира город Янина отделялся от Фессалийских пределов горным хребтом Пиндус. С этнической же точки зрения ситуация была намного сложнее. Как свидетельствовали посещавшие данные районы европейцы, вся Южная Албания находилась

³¹ Цит. по: Краткая история Албании. М., 1992. С. 181–182.

³² Там же. С. 182.

под сильным влиянием Греции, но еще труднее было сказать, является ли Эпир греческим или же Северо-Западная Греция является албанской.

Тем временем изменялось и отношение турецких властей к проблеме реализации решений Берлинского конгресса относительно территориального разграничения с соседними государствами. Испытывая все возрастающее давление со стороны европейских держав и понимая нежизнеспособность Османской империи в условиях внешнеполитической изоляции и возможных военно-силовых акций, правительство султана решило форсировать выполнение наложенных на него обязательств. Это вынуждало Константинополь идти на конфликт с Албанской лигой. В начале декабря 1879 г. в Призрен прибыла очередная турецкая военная миссия во главе с губернатором Битольского вилайета Ахмедом Мухтар-пашой с тем, чтобы обеспечить передачу Черногории округа с городами Плав и Гусинье.

Однако решительные действия албанцев, заблокировавших продвижение турецких отрядов, в очередной раз сорвали планы «цивилизованной» Европы и Османской империи. Более того, подчинявшиеся Призренской лиге албанские вооруженные отряды 8–10 января 1880 г. в районе сел Велика и Пепич разгромили черногорские войска, попытавшиеся оккупировать присужденные ей Берлинским конгрессом области.

В этих условиях правительства и дипломаты великих держав признали необходимым внести коррективы в уже

подписанные ими договоренности. 18 апреля 1880 г. посланники европейских государств в Константинополе по инициативе итальянской стороны договорились о передаче Черногории вместо Плава и Гусинье североалбанских горных округов Хот и Груда к северо-востоку от Шкодера, жители которых исповедовали католицизм. И вновь попытки перекроить политическую карту Балкан без учета исторических и национальных реалий натолкнулись на решительное противодействие «несуществующей» (по мнению Европы) нации, в очередной раз получившей тайное содействие со стороны турецких властей, которые передали албанским отрядам оружие и боеприпасы и позволили им занять оборонительные позиции турецкой армии. Так произошло, в частности, в городе Тузи, расположенном в районе, подлежащем передаче Черногории. Турецкие власти 22 апреля 1880 г. разрешили албанским отрядам занять этот стратегически важный пункт до подхода черногорских войск, оставив им оружие и боеприпасы, включая пушки. Организацию обороны Тузи взяли на себя Шкодринский комитет Призренской лиги, а также руководство племенного военно-политического союза Горной Малесии, в состав которого входили Хот и Груда. К маю общая численность оборонявших район Тузи албанских отрядов достигла 12 000 человек – включая отряды албанского племени мирдитов во главе с Пренком Биб Додой, будущим министром в правительстве князя Албании Вильгельма Вида «образца» 1914 года.

В сложившейся ситуации в июне 1880 г. Великобритания и Австро-Венгрия убедили своих коллег по «клубу великих держав» «окончательно» пересмотреть свое же предыдущее «окончательное» решение. Теперь разменной картой в большой европейской политике был населенный преимущественно албанскими мусульманами стратегический портовый город Улцинь (Дульциньо) вместе с прилегающей к нему территорией, а исполнителями стали турецкие войска под командованием Дервиш-паши. А чтобы турецкое правительство на сей раз не помышляло о «двойной игре», великие державы пригрозили ему оккупацией важнейшего порта Смирна (Измир).

В результате штурма Улциня, осуществленного значительно превосходящими по численности турецкими силами 22 ноября 1880 г., сопротивление защищавшего город по распоряжению Шкодринского комитета Призренской лиги вооруженного албанского отряда под командованием Юсуф-аги Соколы было подавлено. 23 ноября в город вошли турецкие войска, а 26 ноября в него были беспрепятственно пропущены черногорские силы. За период 1878–1880 гг. – то есть уже после завершения работы Берлинского конгресса – территория Черногории в общей сложности увеличилась вдвое, она получила стратегически важные выходы на Адриатическое море через портовые города Бар и Улцинь, и в целом Черногория использовала ситуацию,

возникшую «вследствие ослабления объятий Оттоманской империи на Балканах»³³.

Убедившись в решимости албанцев отстаивать свои интересы, правительство Османской империи еще до силового решения вопроса об Улцине заняло более жесткую позицию и в вопросе о греко-турецком разграничении. Оно отклонило коллективную ноту, подготовленную состоявшейся в июне 1880 г. в Берлине конференцией послов великих держав и включавшую подтверждение положения Берлинского трактата о передаче Греции Фессалии и Северного Эпира. Основными поборниками интересов Афин на данной конференции стали Великобритания и Франция, предложившие «провести новую греческую границу от горного массива Олимп на востоке до реки Каламас на западе с включением в состав ее новых владений города Янина»³⁴. В своей ответной ноте 26 июля Константинополь указал, что изменение государственной юрисдикции областей, населенных албанцами (в том числе Чамерии и Янины), неминуемо вызовет серьезные внутривосточные осложнения в Османской империи. Это привело к резкому обострению отношений между Турцией и Грецией, вновь оказавшихся на грани войны: греческая армия даже провела мобилизацию.

³³ *Morrison K.* Montenegro. A Modern History. London – New York, 2009. P. 28.

³⁴ *Удунья А. А.* Политическая история современной Греции. С. 78–79.

Тем не менее, хотя Берлинская конференция оказалась для Греции более удачной, чем конгресс 1878 г., греко-турецкое разграничение вновь зашло в тупик. Негативную роль для Афин сыграло изменение внутривосточной ситуации во Франции и рост противоречий между Парижем и Лондоном³⁵. Однако напуганная ростом албано-турецких противоречий и все более активной деятельностью Призренской лиги Высокая Порта вскоре по собственной инициативе согласилась на передачу Греции всей Фессалийской области, а не только ее южных областей (как предполагалось ранее), в обмен на сохранение в своем составе большей части Эпира (исключая округ Арта). Что и было озвучено турецкой делегацией на состоявшейся в марте 1881 г. конференции послов великих держав в Константинополе, посвященной вопросам греко-турецкого разграничения. Как сообщал в Форин-офис британский посол в Османской империи Дж. Гошен, «турки согласились на уступку Фессалии (которую Греции ранее так и не удалось взять под военный контроль.. И.) с целью сохранить Эпир и покончить с албанским вопросом, который, как я неоднократно сообщал, беспокоит их больше, чем какое-либо давление со стороны шести держав»³⁶. Правда, несмотря на все свои усилия, британской дипломатии, не удалось заставить Османскую империю передать Греции Превезу.

³⁵ Улуян А. А. Политическая история современной Греции. С. 79.

³⁶ Цит. по: Краткая история Албании. С. 193.

В конечном итоге греко-турецкая конвенция по территориальным вопросам была подписана сторонами в Константинополе 2 июля 1881 г.

В конце марта 1881 г. турецкие войска развернули массированное наступление против албанцев, во главе которого встал печально известный своими карательными экспедициями албанских повстанцев Дервиш-паша. Упорное сопротивление слабо организованных и плохо вооруженных албанских отрядов было сломлено в генеральном сражении у села Штимле; в том же месяце под контроль турецких властей перешел Скопье. В конце апреля десятитысячная турецкая армия под командованием Дервиш-паши взяла штурмом Призрен, а вскоре восстановила контроль над остальными районами Косова. На всей территории, населенной албанцами, осуществлялись массовые репрессии против участников национального движения и депутатов Призренской лиги. Лидер ее радикального крыла Абдюль Фрашери был схвачен в районе албанского города Эльбасан и переправлен в Призрен, где был приговорен к смертной казни, впоследствии замененной тюремным заключением.

Однако Дервиш-паше (остававшемуся со своими войсками в Албании до конца 1881 г.) удалось «умиротворить» лишь население городов и сел, расположенных на равнинной местности. Горные территории по-прежнему оставались вне досягаемости османских правителей. Это выну-

дило некоторых европейских дипломатов все-таки задуматься об иных моделях обустройства албанских земель. В частности, вопрос поднимался британским секретарем по иностранным делам графом Гренвилем в депеше на имя британского посла в Константинополе Дж. Гошена от 2 октября 1880 г. Согласно сообщению Гренвиля, правительство Османской империи уже было проинформировано о том, что ряду районов Северной Албании «может быть гарантирована определенная форма местного самоуправления»³⁷.

Разгром турецким правительством Призренской лиги ознаменовал собой начало нового этапа в истории албанского национального движения, которое отныне было тесно связано с Косовым. Как справедливо указывает албанский исследователь К. Фрашери, «Албанская лига Призрена в качестве патриотической организации, действовавшей в условиях Восточного кризиса в 1870-е годы, идентифицировала себя с Национальным албанским движением», в связи с чем ее деятельность «развивалась в рамках политической, общественной и культурной триады»³⁸. Комментируя решения, принятые в Берлине, генеральный секретарь Коммунистической партии Албании Э. Ходжа уже после Второй мировой войны отметил, что «Берлинский конгресс и Версальский мирный договор несправедливо нарушили интересы

³⁷ Chekrezi K. Albania. Past and Present. New York, 1919. P. 55.

³⁸ Frashëri K. Lidhja Shqiptare e Prizrenit. Tiranë, 1997. F. 419.

Албании и албанского национального меньшинства в Косове... Они не согласились с таким решением вопроса и не желают оставаться в границах Югославии, независимо от ее политического строя... Их единственный идеал – это слияние с Албанией»³⁹.

Берлинский конгресс одновременно явился отправным моментом для реформатирования всей системы международных отношений в Европе. На смену «концерту великих держав» – последний раз выступившему в германской столице – пришли военно-политические блоки и оборонительные союзы. При этом ведущие европейские державы резко активизировали усилия по привлечению на свою сторону оппонентов и «колеблющихся». В результате период с 1878 по 1914 гг. стал временем не только противостояния Тройственного союза и Антанты, но и гораздо более сложного и многоуровневого взаимодействия и взаимного противодействия входивших в них государств – что перманентно усиливало состояние неопределенности как на Балканах, так и в Европе в целом и в конечном итоге привело к началу Первой мировой войны. Не случайно именно к периоду после Берлинского конгресса активно обращаются при разработке различных концепций в рамках многофакторного анализа, ситуационной логики и корреляционных моделей межгосударственных отношений. История

³⁹ Письмо Э. Ходжи в ЦК ВКП(б) о предыстории возникновения косовского вопроса и методах его решения // Восточная Европа в документах российских архивов, 1944–1953. М. – Новосибирск, 1998. Т. 2: 1949–1953. С. 206.

конца XIX – начала XX вв. дает немало подтверждений, в частности, теории британского специалиста в области государства и права, профессора Эссекского университета Д. Сандерса, указывающего на «серьезную опасность применения концепции “сходных условий”, заключающуюся в ложной и искусственной подгонке корреляции». «В процессе межгосударственных сравнительных исследований, – пишет Д. Сандерс, – очень легко предположить, что выведенная эмпирически корреляция между двумя феноменами чаще всего представляет собой небеспричинное совпадение, тогда как в “реальной” ситуации такая корреляция всегда сомнительна. К сожалению, в контексте комплексных межгосударственных исследований стандартные методы статистико-эмпирического тестирования спорных взаимозависимостей (таких как частичная корреляция или множественная регрессия) не всегда применимы. Зачастую идентификацию и измерение какой-то третьей переменной (переменных), которая может разрушить связи между X и Y, осуществить гораздо труднее, чем это кажется»⁴⁰.

Ну и наконец, последняя красноречивая черта Берлинского конгресса. Наибольшие выгоды – в том числе территориальные – извлекли из балканского кризиса две державы, не принимавшие непосредственное участие в собственно военных действиях – Англия и особенно Австро-Венгрия. Монархия Габсбургов смогла утвердиться в двух

⁴⁰Сандерс Д. Некоторые методологические соображения о сравнительных межгосударственных исследованиях // Международный журнал социальных наук. 1995. № 9. С. 34.

стратегически важных районах Балкан – Боснии и Герцеговине и Новопазарском санджаке, где получила документальное разрешение держать воинские гарнизоны и сооружать железные дороги и прочие объекты военной и гражданской инфраструктуры. Подобная ситуация не только создала соответствующий тренд в дальнейшем развитии ситуации на Балканском полуострове и в Европе в целом, но и в конечном итоге стала одним из факторов «сползания» Европы в пучину Первой мировой войны.

А. А. Чернушкин

**РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГГ.
В КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ
РОССИИ ПО ДОКУМЕНТАМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

В данной статье представлен краткий обзор нескольких документов, посвященных Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., которые находятся на хранении в Государственном архиве Российской Федерации. Сведения, содержащиеся в данных материалах, позволяют более взвешенно и детально рассмотреть роль Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в культурно-исторической памяти России.

Ключевые слова: Русско-Турецкая война 1877–1878 гг., архивные документы.

A. A. Chernushkin

**RUSSIAN-TURKISH WAR 1877-1878
IN THE CULTURAL AND HISTORICAL
MEMORY OF RUSSIA ACCORDING
TO DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

This article provides a brief overview of several documents on the Russian-Turkish war of 1877–1878, which are stored in the State Archive of the Russian Federation. The information contained in these materials allows a more balanced and detailed discussion of the role of the Russo-Turkish War of 1877–1878, in the cultural and historical memory of Russia.

Keywords: Russian-Turkish war of 1877–1878, archival documents.

Память о достижениях и успехах, равно как и о промахах, провалах и потрясениях прошлого нашей страны позволяет формировать современную повестку дня в соответствии с теми уроками, которые общество усвоило благодаря изучению исторического наследия. Важнейшими элементами этого наследия являются различные источники – воспоминания современников, работы историков, а также памятники культуры, отражающие те или иные исторические события. Российские архивы способны предоставить все имеющиеся в их распоряжении материалы для осмысления и анализа самых различных событий российской и мировой истории. В частности, это официальные документы, статьи и записки, имеющие отношение к Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

В июле–августе 1876 года сербская армия потерпела несколько сокрушительных поражений, и Сербия обратилась к европейским державам с просьбой о посредничестве для прекращения войны. Совместный ультиматум держав вынудил Турцию предоставить Сербии перемирие сроком на один месяц и начать переговоры о мире.

На этом фоне особо пристального внимания заслуживает «дипломатическое маневрирование» России, увенчавшееся Константинопольской конференцией великих держав

(Россия, Великобритания, Франция, Германия, Австро-Венгрия и Италия), проходившей с 23 декабря 1876 по 20 января 1877 года.

21 декабря 1876 г. подготовленный Конференцией план был передан Турции, которая выдвинула встречные предложения, отклоненные великими державами, – таким образом попытки преодолеть разногласия остались безуспешными. 18 января 1877 года Великий визирь Мидхат-паша заявил об отказе Турции признать решения Конференции, а державы-участники отозвали своих послов из Константинополя.

19 марта 1877 года в Лондоне был подписан Лондонский протокол – последняя дипломатическая попытка великих держав воздействовать на Османскую империю, чтобы решить проблему мирным путем. Однако 12 апреля Порты его отклонила, заявив, что рассматривает его как вмешательство во внутренние дела Турции, «противное достоинству турецкого государства». Отказ Турции от реализации решений Константинопольской конференции и Лондонского протокола положил конец попыткам решить Восточный вопрос мирным путем и предоставил Российской империи легитимные основания для начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В связи с этим стоит заострить внимание на двух циркулярах главы дипломатического ведомства Российской империи, канцлера князя А. М. Горчакова, наиболее наглядно демонстрирующих внешнеполитическую ситуацию на рубеже 1876–1877 гг.

**Правительственный вестник
от 2-го (14-го) ноября 1876 года**

**Циркулярная депеша его светлости
государственного канцлера князя Горчакова
к представителям России при иностранных
державках, из Царского Села,
от 1-го ноября 1876 года
(13 ноября по нов. стилю)**

Прискорбные события, обагрившие кровью Балканский полуостров, произвели глубокое впечатление во всей Европе. Правительства, по состоявшемуся между ними соглашению, признали необходимым, во имя человеколюбия и общего блага, положить преграду такому порядку вещей. Они прекратили кровопролитие, настояв на заключении обеими воюющими сторонами перемирия, и условились определить основы для мира, который предоставил бы христианским населением положительные обеспечения против несправедливых злоупотреблений турецкой администрации и необузданного произвола оттоманских властей, ограждая вместе с тем и Европу от периодического возобновления кровавых потрясений.

Императорское правительство стремилось всеми силами к упрочению единодушия между великими державами, сохраняя непрестанно в виду, что в настоящем вопросе интересы политические должны уступить место более возвышенным интересам всего человечества и спокойствия Европы. Оно направит все зависящие от него средства к тому,

чтобы это единодушие привело, наконец, к последствиям существенным, прочным и согласным с требованиями справедливости и всеобщего мира.

Но, между тем как дипломатия ведет в течение года переговоры, имеющие целью привести европейское соглашение к действительному осуществлению, Порта воспользовалась возможностью вызвать из глубины Азии и Африки темные силы наименее обузданных элементов исламизма, возбудить фанатизм мусульман и раздавить под тяжестью численного превосходства христианские населения, вступившие на борьбу за свое существование. Виновники ужасных избиений, справедливо возмущивших всю Европу продолжают пользоваться безнаказанностью и в настоящее время, следуя их примеру, на всем протяжении Оттоманской империи совершаются на глазах негодующей Европы, повторения тех же насилий и того же варварства.

В виду таковых усложнений, Государь Император, принимая со своей стороны твердую решимость преследовать и достигнуть, всеми зависящими от него средствами, предначертанную великими державами цель, изволил признать необходимым мобилизовать часть своей армии.

Государь Император не желает войны и делает все возможное для избежания оной. Но его Величество не остановится в своей решимости до тех пор, пока признанные всей Европой принципы справедливости и человеколюбия, в коем народное чувство

России примкнуло с неудержимою силою, не возымеют полного и обеспеченного прочными гарантиями осуществления.

Вы уполномочены прочесть и передать копию с настоящей депши г. министру иностранных дел.

Примите и проч.¹

**Правительственный вестник
от 23-го января (4-го февраля) 1877 года**

**Циркулярная депеша государственного канцлера
князя Горчакова к российским послам в Берлине,
Вене, Париже, Лондоне и Риме,
от 19-го января 1877 года**

Отказ Порты удовлетворить желаниям Европы вводит восточный кризис в новое положение.

С самого возникновения этого кризиса Императорский Кабинет отнесся к нему, как к вопросу общеевропейскому, который не должен быть и не мог разрешиться иначе как к единодушному согласию великих держав. Действительно, так как все кабинеты отвергли всякую предвзятую мысль, основанную на исключительно личном расчете, то задача их сводилась к тому, чтобы склонить турецкое правительство к справедливому и человечному управлению христианскими подданными Султана, для ограждения Европы

¹ Газетные вырезки о войне 1877–1878 гг., о 25-летию царствования Александра II, по польскому вопросу и др. // ГА РФ. Л. 37.

от тех постоянных потрясений, которые возмущали ее совесть и нарушали ее спокойствие.

Таким образом, дело это становилось вопросом человеколюбия и общего блага.

Вследствие сего императорский кабинет употребил с своей стороны все старания к тому, чтобы вызвать совокупное действие Европы для устранения кризиса и предупреждения его возврата. Он вступил в соглашение с австро-венгерским правительством, как непосредственно заинтересованным в этом вопросе, с целью представить европейским кабинетам такие предложения, которые могли бы послужить основанием к общему соглашению и общим действиям. Эти предложения, изложенные в депеше графа Андраши от 18-го (30-го) декабря 1875 года, были приняты всеми великими державами, а также и Портою; но соглашение это осталось бесплодным, так как не было скреплено решением привести его в исполнение, а потому берлинский меморандум побудил кабинет снова установить начало совместной деятельности для изыскания более действительных средств к достижению общей цели.

Хотя при этом не последовало единодушного согласия и дипломатическая деятельность была, таким образом, приостановлена, тем не менее, в виду усложнения кризиса кровавыми событиями в Болгарии, революцией в Константинополе и войной с Сербией и Черногорией, кабинеты соединились вновь.

По почину английского правительства они установили основания и гарантии и умиротворения, подлежащие обсуждению на конференции, созывавшейся

в Константинополе. Эта конференция на предварительных заседаниях пришла к полному соглашению как относительно условий мира, так и о предложенных реформах. Она сообщила Порте результаты своих совещаний в смысле твердого и единодушного желания Европы, но встретила с ее стороны упорный отказ.

Таким образом, после дипломатических усилий, продолжавшихся более года и свидетельствующих о степени важности, придаваемой великими державами делу умиротворению Востока, о их праве обеспечить это дело, в виду общих выгод, и о их твердой решимости достигнуть этого путем общеевропейского соглашения, кабинеты вновь оказываются в том же положении, как при начале этого кризиса, ныне принявшего еще более тревожный характер вследствие пролитой крови, крайнего возбуждения страстей, повсеместного разрушения и невозможности определить когда окончится столь бедственное положение дел, тяготеющее над Европой и справедливо смущающее общественное мнение и правительства. Порта ни во что не ставит ни свои прежние обязательства, ни долг, лежащий на ней, как на члене европейского союза ни единодушные желания великих держав. Положение дел на Востоке не только не приблизилось к удовлетворительному разрешению, но даже ухудшилось, продолжая угрожать спокойствию Европы и тревожить чувства человеколюбия и совести христианских народов.

В этих видах Его Императорскому Величеству желательно, прежде чем определить свой последующий образ действий, узнать, как полагают поступить Кабинеты, с которыми мы старались до сего времени и впредь желаем, насколько это будет возможно, действовать сообща.

Цель, которую великие державы имели в виду, была ясно определена действиями конференции.

Отказ турецкого правительства затрагивает достоинство Европы и ее спокойствие. Нам необходимо знать, как отзовутся на этот отказ и чем намереваются обеспечить исполнение своих требований кабинеты, действовавшие доселе заодно с нами.

Вам предлагается осведомиться об этом, по прочтении этой депеши и вручении копии с нее министру иностранных дел.

Примите и проч.²

Среди документов, относящихся к событиям войны 1877–1878 гг. и сохранению ее исторической и культурной памяти, можно найти информацию, касающуюся дальнейших взаимоотношений между Россией и Болгарией, их совместного участия в мероприятиях, посвященных войне и ее героям и возведения различных мемориалов на территории обоих государств.

² Газетные вырезки ... Л. 46.

Так, в фондах ГА РФ хранится записка³, датированная 27 января 1900 г., за авторством военного историка, полковника Николая Алексеевича Епанчина, посвященная постройке храма в Плевне, на месте сражения, проходившего с 8 по 22 ноября 1877 г. В записке Епанчин объясняет необходимость возведения церкви тем, что *«много русской крови пролито на Балканском полуострове, но ни одно место на нем не было так обильно полито русской кровью и усеяно русскими костями, как Плевна и ее окрестности...»* Епанчин предлагает точное место для строительства, а именно холм, где располагалась ставка Османа-паши, а после победы был проведен молебен в присутствии императора Александра II. Помимо этого, в тексте записки содержится обсуждение желания князя болгарского Фердинанда чаще посещать Россию *«для того, чтобы делать доклады Государю Императору по болгарским делам»*. По мнению Епанчина, визиты князя послужат укреплению российско-болгарских отношений и *«будут служить доказательством прочности нашего влияния в Болгарии»*. *«Вместе с тем эти приезды нас ни к чему не обяжут, так как от нас будет зависеть дать тот или другой ответ на представления князя и таким образом, в известной степени, руководить его внутренней и внешней политикой»*, – отмечал Епанчин.

В фондах архива также можно найти многочисленные документы, содержащие описание победы под Плевной, в честь которой и была выстроена церковь. Здесь, прежде всего, стоит упомянуть машинописную копию «Истории

³ Записки полковника Епанчина о постройке в Плевне церкви в память воинов, павших в войне 1877–1878 гг., о назначении русского офицера командиром болгарской дунайской флотилии, о приезде болгарского князя в Россию и прочее // ГА РФ.

Лейб-Гвардии Гусарского полка в Турецкую войну 1877–1878 гг.», составленную Великим князем Олегом Константиновичем, с его личными правками. В «Истории Лейб-Гвардии Гусарского полка...» есть эмоциональное описание долгожданного окончания осады Плевны и радость русских по случаю победы:

Ликование было всеобщее и полное, шапки летели вверх и громовое и неумолкаемое Ура разнесло далеко по горам, даже до лагерей турок, роковую для них весть уничтожения главного их оплота против победоносного наступления наших войск и плена лучшей из армии предводительствуемой храбрым и энергическим начальником. В несколько часов Плевны, этой болячки, тревожившей каждое сердце, не стало. Благодаря героизму наших войск неприятельская твердыня пала и с ее падением освобождалась армия почти в сто тысяч человек, могущая теперь неудержимо идти вперед, преодолевая все препятствия, чтобы решительным шагом за Балканы победоносно покончить компанию⁴.

Также интересна книга «Мои воспоминания» генерала Дмитрия Антоновича Скалона⁵, который в 1877–1878 годах, в чине полковника, состоял членом кассационного присут-

⁴История Лейб-Гвардии Гусарского полка в Турецкую войну 1877–1878 гг., составленная великим князем Олегом Константиновичем. Машинописная копия с правками Олега Константиновича // ГА РФ. Лл. 116–117.

⁵ Книга Скалона Д. А. «Мои воспоминания», том II с пометкой «для отзыва». 1877–1878 гг. Изд. 1913 г. // ГА РФ.

ствия при главнокомандующем действующей армии Великом князе Николае Николаевиче (Старшем). Воспоминания Скалона также содержат описание захваченной Плевны:

На земле, в иных местах лежали убитые люди, лошади и скот, между ними еще не прибранные раненые турки, в числе которых и жители Плевны, все они пострадали от нашего артиллерийского огня.

Затем автор рассказывает о молебне по случаю победы и награждении Великого князя орденом Св. Георгия 1-й степени – стоит подчеркнуть, что Николай Николаевич стал последним в истории кавалером ордена Св. Георгия 1-го класса:

29 ноября был назначен молебен близ Плевны, на Гривицком шоссе, на редуте №5, где была ставка Османа-паши.

Государь Император подъезжая, когда увидел великого князя, выскочил из коляски и, махая фуражкой и крича ура, бросился в объятия великого князя.

Музыкантские хоры играли «Боже, царя храни», все окружающие и войска восторженно подхватили царское ура, которое стало нарастать и разноситься по плевнинским полям и долинам.

Государь Император собственноручно надел на его высочество ленту Св. Георгия 1-й степени и наградил начальника штаба и Э. Ив. Тотлебена 2-й степенью, Имеретинского и Радецкого 3-й степенью, Левицкого 4-й степенью, затем сам изволил скомандовать «слушай, на караул» и отдал честь его высочеству главнокомандующему.

Затем начался (и мы отслушали) благодарственный молебен, по окончании которого поехали в Плевну и позавтракали.

После того Государь Император потребовал Османа-пашу.

Его привели, поддерживая под руку, так как он, вследствие раны переступал одною правою ногою.

В фондах ГА РФ хранятся памятные записки (рапорты) профессора Академии художеств Александра Николаевича Померанцева о ходе строительства храма-памятника, посвященного войне 1877–1878 гг. и освобождению Болгарии⁶. Они были составлены на имя президента Академии художеств великой княгини Марии Павловны и царя Болгарии Фердинанда I, документы датированы 23 апреля 1909 года. Померанцев был автором проекта и архитектором храма-памятника Святого Александра Невского, возведенного в столице Болгарии Софии. Освящение собора состоялось в 1912 году. В тексте рапорта указано, что строительство проводилось при заинтересованности покойного супруга великой княгини великого князя Владимира Александровича и царя Болгарии Фердинанда I и осуществлялось исключительно на болгарские деньги. Кроме того, автор выражает свою благодарность царю Болгарии и просит о добавлении в алтарную часть икон святых, почитаемых Александром II, а также сообщает о поручении Фердинанда изыскать средства на окончание строительства храма. Завершается рапорт прошением к великой княгине Марии

⁶ Рапорт профессора Академии художеств Померанцева о ходе строительства храма-памятника, посвященного войне 1877–1878 гг. и освобождению Болгарии. Приложена копия рапорта Померанцева болгарскому царю Фердинанду I о том же // ГА РФ.

Павловне о содействии, подчеркивая ее особую роль как августейшего президента Академии художеств.

В числе документов, свидетельствующих об увековечении памяти о войне 1877–1878 гг., можно отметить Отношение военного министра России, генерала от инфантерии Александра Федоровича Редигера от 18 августа 1907 года великому князю Владимиру Александровичу о назначении его главой делегации русской армии на торжественном открытии в Болгарии памятников, посвященных войне 1877–1878 гг.⁷, а также письмо председателя болгарского комитета «Царь-освободитель» Стояна Заимовича великому князю Владимиру Александровичу о постройке музеев войны 1877–1878 гг. в Плевне, Беле и Подиме⁸. В Отношении военного министра содержится список офицеров и нижних чинов, командированных для участия в торжественных событиях. Также Редигер сообщает великому князю:

...для переезда командруемых чинов депутации из Одессы в Варну и обратно, распоряжением Морского министерства, назначен для вашего императорского высочества пароход “Эриклик”, на котором могут быть помещены не свыше 11 генералов и 6 офицеров, прочие чины депутации будут перевезены на судах практического отряда Черного моря, который назначен конвоировать пароход “Эриклик”.

⁷ Отношение Редигера великому князю Владимиру Александровичу о назначении его главой делегации русской армии на торжественном открытии в Болгарии памятников, посвященных войне 1877–1878 гг., и письмо председателя болгарского комитета «Царь-освободитель» Стояна Заимовича великому князю Владимиру Александровичу о постройке музеев войны 1877–1878 гг. в Плевне, Беле и Подиме // ГА РФ. Лл. 3–4.

⁸ Там же. Лл. 1–2.

По уведомлению Болгарского дипломатического агента в Петербурге, прибытие депутации в Софию должно состояться не позже вечера 28-го августа, так как на 29-е августа назначен прием ее его высочеством князем Болгарским.

К 30-летию войны 1877–1878 гг. помощник военного министра генерал-лейтенант А. А. Поливанов написал обращение к великому князю Владимиру Александровичу, содержащее список представителей частей войск, входивших в состав бывшей действующей армии на Европейском театре войны 1877–1878 гг., для их командировки на предстоящие в Болгарии торжества⁹. В списке перечислены конкретные фамилии и звания, указаны войсковые части, корпуса, дивизии и стрелковые бригады, от которых были отправлены офицеры и нижние чины, как непосредственные участники балканских событий.

Последним и одним из самых интересных документов можно назвать воспоминания генерал-майора Порфирия Дмитриевича Черноглазова, написанные в эмиграции¹⁰. В 1877 году Черноглазов окончил Киевское пехотное юнкерское училище и в чине прапорщика был выпущен в 125-й пехотный Курский полк. В рядах Курского пехотного полка вступил в Русско-турецкую войну 1877–1878 годов, участвовал в походах и сражениях Руцукского отряда, был контужен. С 1920 года П. Д. Черноглазов жил в Софии и получал небольшую пенсию от болгарского правительства за участие в войне 1877–1878 годов.

⁹ Списки представителей воинских частей, посланных в Болгарию на празднование 30-летия войны 1877–1878 гг. // ГА РФ.

¹⁰ Черноглазов П. Д. Жизнь русских ветеранов, участников освободительной войны в 1877–1878 гг. в Болгарии за время с 1923 года по 1933 год. Воспоминания // ГА РФ.

Черноглазов не только описал быт ветеранов русской императорской армии в Болгарии после революции, но и поднял важнейшие вопросы, которые позволяют понять причину и значение братских отношений между Болгарией и Россией. Тест начинается с вступительного слова от составителя, в котором он называет цели своей работы:

1. Установить, как в течение последних 10 лет, с момента написания работы с 1923–1933 гг., болгарский народ чтит память Царя Освободителя Александра II и солдат, отдавших свои жизни ради освобождения Болгарии и их отношение к русским ветеранам-эмигрантам.

2. Популяризация фактов памяти событий войны и помощи ее участникам, которая послужит основанием для взаимных дружеских отношения двух братских народов. А также вопрос восстановления границ Сан-Стефанского договора, определенных царем Освободителем.

Первая часть описания жизни русских ветеранов начинается с создания в Болгарии Союза Русских Ветеранов. Эмигранты, прибывшие в Болгарию, столкнулись с множеством проблем, в первую очередь финансовых, несмотря на значительную помощь местного населения. Идея союза принадлежит генералу от кавалерии А. А. Смагину, он же установил связь с будущими участниками союза. Целью союза стала моральная и материальная поддержка ветеранов, оставшихся без средств к существованию. Для чего был составлен устав, который было необходимо предъявить в Министерство Внутренних Дел для утверждения, ради статуса юридического лица. В группу вошли: генералы – Берхман,

Ерофеев, Николаев и Черноглазов; полковники – Пелехин и Золотухин; статский советник – Евреинов.

Председателем группы был избран генерал Смагин. Огромную помощь в этом начинании оказал генерал Велизар Лазаров, который стал почетным председателем союза. Русские ветераны участвовали в многочисленных празднованиях годовщин, устраивали благотворительные мероприятия в пользу участников войны. Автор подчеркивает, что болгарский народ всегда с уважением относился к героям освободительной войны, откликаясь на все их начинания, а также предоставил им широкий спектр привилегий. Это подтверждает следующая цитата:

За десять лет жизни в Болгарии русский ветеран убедился, что болгарский народ свято чтит память Царя Освободителя и относятся с чувством глубокой благодарности к России и всему русскому.

Работа с архивными документами, всестороннее исследование источников, в том числе, личных фондов, играет существенную роль в изучении событий Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Источниковая база данного периода огромна: очень многие из тех, кто принимал участие в войне, оставили письма и дневники. Именно по этим источникам можно с достаточно высокой достоверностью восстановить не только ключевые события данного периода, хронологию военных действий, но также мнения и оценки участников.

Е. В. Морозов

**ВВЕДЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ
В ОРЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ –
УСЫПАЛЬНИЦА
ГЕНЕРАЛА В. Н. ЛАВРОВА (1838–1877)
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК)**

Автор рассказывает о двух летних сезонах археологических работ по уточнению и отысканию места нахождения остатков фундамента Введенской церкви, в склепе которой был захоронен генерал Василий Николаевич Лавров, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Ключевые слова: генерал В. Н. Лавров, Русско-турецкая война, село Березуй, усадьба Кривцово.

E. V. Morozov

**VVEDENSKAYA CHURCH IN THE OREL
REGION - THE TOMB OF THE GENERAL
V. N. LAVROV (1838–1877)
(BASED ON ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS)**

The author tells about two summer seasons of archaeological work on the clarification and searching for the location of the remains of the Vvedenskaya Church basement, where the general Vasily Lavrov, the hero of the Russian-Turkish war of 1877–1878, was buried.

Keywords: The general V. Lavrov, the Russian-Turkish war, village Berezuy, manor Krivtsovo.

Два летних сезона 2016–2017 гг. отряд добровольных помощников реставраторов «Белозерск» принимает участие в работах на месте храма-усыпальницы семьи Лавровых в Орловской области.

Из семейства дворян Лавровых наиболее известен Василий Николаевич, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., погибший 12 октября 1877 г. в возрасте 39 лет в сражении под Горным Дубняком.

Церковь в честь Введения во храм Пресвятой Богородицы была построена в 1829 г. дедом генерала, В. И. Лавровым, в селе Березуй, в версте от родового имения Кривцово¹.

Село Березуй находилось на крутом берегу одноименной реки (притока Оки) в 20 км от г. Болхова Орловской губернии. В конце XIX – начале XX вв. вдоль реки располагалось 12 населенных пунктов, село Березуй было из них самым маленьким. До недавнего времени это место было забытым и заброшенным.

Село кроме церкви составляли всего два двора, в которых проживали 16 человек из семей крестьян и священнослужителей. До начала 30-х гг. церковь была действующей².

¹ Историческое описание церквей, приходов и монастырей Орловской епархии. Орел, 1905. С. 67–68.

² Список населенных мест Орловской губернии Болховского уезда, изд. 2-е. Орел, 1927 г. С. 72.

Генерал-майор Василий Николаевич Лавров, командир Финляндского лейб-гвардии полка, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., также участник польской кампании 1863–1864 гг. (в чине штабс-капитана) за отличие в боях был награжден золотой саблей с надписью «за храбрость» и орденом св. Владимира 4 степени с мечами и бантами³.

12 октября 1877 г. при штурме турецких укреплений у села Горный Дубняк лично повел полк в атаку и был смертельно ранен.

Накануне боя, предчувствуя беду, Лавров в письме к жене просил похоронить его в семейном склепе в Березуе. Выполняя волю мужа, его тридцатилетняя вдова Мария Александровна две недели сопровождала гроб с телом генерала-героя из Болгарии в Болховский уезд, в родовое имение Лавровых⁴.

30 октября 1877 г. после отпевания генерала при большом стечении народа из окрестных деревень, делегации из г. Болхова, губернского начальства, представителей всех сословий гроб с телом Василия Николаевича поместили в семейный склеп, располагавшийся с правой стороны храма Введения. Мария Александровна Лаврова прожила в Кривцове вплоть до революции, затем имение было национализировано, а она уехала в Петроград к дочери Елизавете и вскоре там скончалась.

В самом начале 30-х годов XX века Введенская церковь была закрыта, подверглась безжалостному грабежу.

³ Военная энциклопедия. СПб., 1914.

⁴ История лейб-гвардии Финляндского полка 1806–1906 гг. СПб., 1906. С. 120.

Гроб с телом В. Н. Лаврова был вынесен из склепа, осквернен, разграблен, а позже останки были захоронены на кладбище недалеко от церкви. В 70-х гг. прах генерала был перезахоронен в третий раз – на Кривцовском воинском мемориале, в километре от Березуя.

Во время Великой Отечественной войны весь 1942 г. и первую половину 1943 г. здесь шли кровопролитные бои. Многие деревни были сожжены дотла. Маленькое село Березуй перестало существовать, а вскоре не осталось ничего и от Введенской церкви – в нее попала бомба. Попыток восстановления храма-усыпальницы не предпринималось. В 1970-х гг. при создании Кривцовского воинского мемориала уже никто не вспоминал о селе Березуй.

Отряд добровольных помощников реставраторов «Белозерск» с 2004 г. регулярно в летнее время работает в городе Болхове в Троице-Оптином Рождества Богородицы женском монастыре, помогая его восстановлению.

В августе 2015 г. по предложению настоятельницы монастыря были предприняты поиски места нахождения церкви Введения в бывшем селе Березуй. Тогда это место представляло собой холм, заросший кустарником и порослью деревьев. На вершине холма в этих зарослях явно просматривались две поляны, на одной из которых сохранились старые яблони и другие фруктовые деревья, что подтвердило нахождение здесь когда-то жилых домов.

На второй поляне, в зарослях сирени и ежевики, мы обнаружили части фундаментов какой-то постройки. На этом месте и был предварительно установлен поклонный крест.

Рис. 1. Место проведения раскопок

Под руководством Орловского архитектора С. В. Кузнецова реставраторы приступили к работе. Нашей задачей было максимально выявить количество опорных точек и контуров постройки, а также убедиться в том, что эта постройка – церковь.

С помощью компаса определили стороны света. После тщательного осмотра была вырублена часть кустарника и проведены первичные земляные расчистки, в результате чего выяснилось, что наиболее сохранными являются остатки южной и восточной стен постройки, но находятся они под большим слоем земли. На месте северо-западного угла здания обнаружили огромную воронку времен Великой Отечественной войны. Северная сторона постройки тоже оказалась сильно разрушенной – ее остатки едва заметны. Таким образом, северная и северо-западная части требуют более тщательных земляных работ.

Были определены все углы постройки, и дальше по ним реставраторы приступили к расчистке ее основного контура.

При расчистке сохранившихся остатков западной стены удалось обнаружить часть входа в помещение; он завершался фигурной конструкцией, подтверждающей наличие в этом месте колокольни. Здесь же по центру стены удалось обнаружить остатки фундамента белокаменной части притвора при входе в здание.

Рис. 2. Раскопанная часть фундаментов западной стены храма.

При расчистке внешней стороны восточной стены удалось выявить остатки белокаменных фундаментов алтарной части. Все это явилось подтверждением, что постройка представляла собой церковь.

Вся внутренняя часть здания тоже была засыпана землей. При ее частичной расчистке удалось проследить контуры внутренней стены, разделяющей предполагаемое помещение на две части с проходом по центру. То есть в одной

части – трапезная с колокольной, в другой – основное помещение храма.

Когда значительная часть участков постройки была расчищена и выявились ее контуры, были произведены соответствующие замеры, и с помощью нивелира зафиксированы опорные точки, необходимые архитекторам для составления основных чертежей и дальнейшего восстановления здания. По результатам работ был сделан предварительный схематический чертеж постройки.

К летнему сезону 2016 года эта местность уже не выглядела заброшенной – подготовительные работы начались уже в мае.

Рядом с местом проведения работ монастырь установил вагон-бытовку, обустроил место бивака. По благословению митрополита Орловского и Болховского Антония монахи монастыря приступили к созданию на этом месте скита, где уже начали совершать поминовения погибших воинов Великой Отечественной войны, читать Псалтирь. В поминальном синодике, составленном монахинями, насчитывается уже более 14 000 имен. В планах монастыря – возрождение храма.

В 2017 году на раскопках работал отряд орловских студентов, их сменили студенты Российского геологоразведочного института. Отряд добровольных помощников реставраторов «Белозерск» приехал в конце июля. Задачей нового сезона было – раскопать все сохранившиеся фрагменты стен и фундаментов до первоначальных отмолок. В результате всех работ контуры здания были выявлены полностью. Остатки западной, южной и восточной стен раскрыты почти до полутора метров. Однако на северной стороне сохранились лишь фрагменты фундаментов. До

уровня отмосток дойти все равно не удалось, эти работы были отложены на следующий сезон. По результатам раскопок были уточнены все габаритные размеры, и для наглядности был изготовлен пластилиновый макет.

Рис. 3. Раскопанная часть южной стены

Как уже было сказано, прах генерала Лаврова в 1930-е гг. был перенесен на соседнее кладбище, в 25 метрах от церкви. Последние захоронения на этом кладбище сейчас датируются 1960-ми гг. Местные жители из Кривцова показали приблизительное место второго захоронения, куда прах генерала был перенесен после разграбления некрополя. В зарослях деревьев и мелкого кустарника не сразу удалось его найти. Остатки кирпичной кладки прямоугольной формы еле виднелись на месте холмиков земли, поросших ежевикой. Вся внутренняя часть этой конструкции тоже была заросшей, завалена мусором и сучьями.

В третий раз прах Лаврова был перезахоронен 7 сентября 1978 г. – при создании Кривцовского мемориала, на

территории которого в честь генерала были установлены его бюст и мраморная плита с памятной надписью.

По словам местных жителей, рядом с Введенской церковью до конца 70-х гг. еще можно было видеть старые надгробные плиты захоронений членов семьи Лавровых. Позже на этом месте появились заросли деревьев, кустарников и высокой травы.

Следует особо отметить, что в Болгарии чтят имя генерала В. Н. Лаврова. Недалеко от селения Горный Дубняк, в 25 км юго-западнее Плевны, где проходили ожесточенные бои, в 1950-х гг. был создан мемориальный парк в память погибших русских воинов. На братских могилах установлены гранитные монументы. Парк носит имя генерала Лаврова. На скале в честь генерала закреплен бронзовый медальон.

Орловский краевед Александр Полынкин посвятил целую главу своей книги «История Орловского края в лицах» генералу Лаврову.

Исследования продолжаются и в Москве. До сих пор не удалось обнаружить изображение храма и более подробное его описание. Работы проводились в Исторической библиотеке, Музее им. Щусева, Российской государственной библиотеке. Мы не теряем надежды найти изображение храма, тем более что рисунок Введенской церкви из частной коллекции экспонировался на одной из выставок в Историческом музее, посвященной Русско-турецкой войне.

М. Г. Смольянинова

РОЛЬ МОСКОВСКИХ СЛАВЯНОФИЛОВ В ОСВОБОЖДЕНИИ БОЛГАРИИ ОТ ОСМАНСКОГО ИГА

В 1396 г. Болгария была завоевана турками. Она исчезла с карты мира, став частью Османской империи. В XIX в. русское общество способствовало духовному возрождению болгарского народа. И. С. Аксаков считал, что Россия должна помочь не только духовному возрождению болгар, но и обретению политической свободы, утерянной Болгарией в XIV веке. 12 апреля 1877 г. император Александр II объявил Турции войну. Ценой огромных человеческих жертв русский народ освободил Болгарию от рабства, которая после 500 лет небытия вновь появилась на карте мира. В современной печати можно наблюдать переоценку роли России в освобождении Болгарии от турецкого ига. Некоторые ученые считают, что русско-турецкая война 1877–1878 гг. была не освободительной, а завоевательной, оккупационной. С опорой на архивные документы, а также на свидетельства очевидцев исторических событий (в том числе на свидетельства болгарских писателей той поры – Петко Рачева Славейкова, Илии Блыскова, Василя Друмева, Ивана Вазова и других), в статье опровергается мнение лжеученых, стремящихся исказить правду. Иван Вазов называл русских воинов «Рыцарями добра». П. Р. Славейков писал: «Россия своею кровью свободу нам дала».

Ключевые слова: освобождение Болгарии, Османская империя, Александр II, Петко Славейков, Илия Блысков, Васил Друмев, Иван Вазов.

M. G. Smolyaninova

THE ROLE OF THE MOSCOW SLAVOPHILES IN THE RELEASE OF BULGARIA FROM THE OTTOMAN YOKE

In 1396 the Ottomans occupied Bulgaria. It disappeared from the world map, becoming part of the Ottoman Empire. In the XIX century Russian society contributed to the spiritual revival of the Bulgarian people. I. S. Aksakov believed that Russia should help not only the spiritual revival of the Bulgarians, but also the acquisition of political freedom, lost in the XIV century. On April 12, 1877, Emperor Alexander II declared war on Turkey. At the cost of enormous human sacrifice, the Russian people freed Bulgaria from slavery, which, after 500 years of non-existence, reappeared on the world map. In the modern press, it can be observed that Russia's role in the liberation of Bulgaria from the Turkish yoke is reappraising. Some scholars believe that the Russian-Turkish war of 1877-1878 was not liberating, but conquering, occupying. The article refutes the opinion of false scientists who seek to distort the truth based on archival documents, as well as on the testimonies of eyewitnesses of historical events (including the testimonies of Bulgarian writers of that time - Petko Rachev Slaveykov, Ilya Blyskov, Vasil Drumyov, Ivan Vazov and others). Ivan Vazov called the Russian soldiers "Knights of Good." P.R. Slaveykov wrote: "Russia has given us freedom with its blood."

Keywords: liberation of Bulgaria, Ottoman Empire, Alexander II, Petko Slaveykov, Ilya Blyskov, Vasil Drumev, Ivan Vazov.

В конце XIV века Болгария была завоевана турками. Она исчезла с карты мира, став частью Османской империи. Пять веков жесточайшего ига, державшегося на насилии и эксплуатации, грабежах и поборах. Поработители варварски уничтожали памятники высокой в прошлом культуры. На долю болгар выпали бесчисленные бедствия – массовое физическое истребление, ежегодная «дань кровью», отуречивание, исламизация. Турки презрительно называли болгар «райей» (стадом).

В XIX веке русское общество способствовало духовному возрождению болгарского народа. Мощным импульсом усилий по возрождению болгарской нации послужили произведения Юрия Венелина, которые стали настоящим прорывом в познаниях россиян о Болгарии. Болгарский поэт и просветитель А. Кипиловский называл Венелина «бессмертным возобновителем болгарского существования». После выхода в свет книг Ю. И. Венелина «Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам» (М., 1829–1841, т. 1–2), «О характере народных песен у славян задунайских» (М., 1835), «О зародыше новой болгарской литературы» (М., 1838) все больше болгар стремится получить образование в России. В 40-е – 70-е годы XIX века

в российских учебных заведениях Одессы, Херсона, Николаева, Москвы и других городов училось около 700 болгар. В России учились и работали, в частности, Д. Чинтулов, Н. Геров, В. Друмев, Х. Ботев, Л. Каравелов, К. Миладинов, Н. Катранов, Н. Бончев, Р. Жинзифов, М. Дринов, К. Миладинов, В. Попович, С. Филаретов, Г. Бусилин, Н. Михайловский и другие. Из русских воспитанников выросли в высшей степени богатые в интеллектуальном отношении творцы, которые сыграли выдающуюся роль в формировании болгарской культуры, науки, литературы как в эпоху национального возрождения, так и в период после Освобождения Болгарии.

Одним из основных культурно-просветительских центров болгарского Возрождения за пределами Османской империи была Москва. В Москве обучалось более 100 болгар, которые, как правило, получали материальную поддержку со стороны государственных учреждений и общественных организаций. Москва в середине XIX в. была одним из центров болгарского книгопечатания. Здесь были опубликованы на болгарском языке книги Г. Бусилина, К. Миладинова, Р. Жинзифова. В Москве же увидел свет и ряд книг болгарских авторов на русском языке. Многие болгары были тесно связаны с представителями московской профессуры. Болгарские студенты создали в Москве болгарскую дружину (объединение учащихся в России болгар), которая ставила своей целью знакомить русских с жизнью соотечественников, содействовать развитию болгарской

литературы, призывать болгарских юношей в Россию для усовершенствования в науке. В эту дружину входили Л. Каравелов, К. Миладинов, Х. Даскалов, Н. Бончев, Г. Теохаров, В. Попович, Р. Жинзифов и др. На собраниях дружины обсуждались произведения ее членов, изучались филологические, социальные, политические вопросы. Дружина издавала журнал «Братски труд» (1860–1862), который выходил на болгарском языке. Болгарские студенты знакомили русскую общественность с трудной, бесправной жизнью соотечественников. Их произведения вызывали сострадание, сочувствие к участи болгарского народа у русских людей.

Большую помощь болгарам, стремившимся получить образование в России, оказывали славянофилы. В 1858 г. был создан Московский славянский благотворительный комитет, работавший вплоть до 1878 г. (до Освобождения Болгарии). Славянофилы поддерживали молодых болгар, оказывая им материальную помощь, предоставляя им стипендии для обучения в учебных заведениях России, помогая советами, изданием их трудов. Руководителем Московского Славянского благотворительного комитета в Москве был Иван Сергеевич Аксаков – русский поэт, публицист, одна из самых ярких фигур среди славянофилов. Во время русско-турецкой войны 1853–1856 гг. он служил добровольцем в ополчении (в Серпуховской дружине). А. С. Хомяков – один из основоположников славянофильства – сражался за освобождение болгарских земель в период русско-турецкой

войны 1828–1829 гг. Думается, это не случайно. Они рисковали своими жизнями ради освобождения болгар от турецкого гнета.

9 октября 1866 г. И. С. Аксаков и Т. С. Морозов (предприниматель и меценат, входивший в Болгарскую комиссию Московского славянского комитета) подписали договор об издании газеты «Москва», которая выходила в 1867–1868 гг. Иван Сергеевич Аксаков был редактором и одним из авторов этой ежедневной газеты. Тимофей Саввич Морозов финансировал издание газеты «Москва». На страницах этой газеты И. С. Аксаков выступал по вопросам внешней и внутренней политики России со славянофильских позиций. Он писал в газете «Москва» (14 июля 1867 года): «Отыскалось шестимиллионное племя – забитое, забытое, но не переставшее хранить вместе с верою нравы и обычаи предков и смутные предания славной исторической старины. Как и всем славянским племенам судило Провидение и болгарам возродиться к историческому бытию не только плотью, но и духом, не одною физиологическою силою народности, но путем мысли, науки, одним словом, работой народного самосознания. Потребность Просвещения сказалась в болгарском племени с неудержимою властью. Последний грош, сбереженный от жадности турка, отдавался на учреждение школы; молодые болгары пробирались в Россию, преимущественно в Москву, чтобы почерпнуть просвещение из родного источника и разлить его потом по болгарским городам и селам. Мы имеем право свидетельствовать и сим

свидетельствуем, что большинство их трудилось честно, училось прилежно, а некоторые кончали курс университетский с блистательным успехом и удаивались ученой степени. Это тем более заслуживает похвалы, что являлись они из страны полудикой, из-под власти варварского обычая, плохо подготовленные, вынужденные уже во взрослых годах начинать подготовку снова, – и что приходилось им здесь бороться и с климатом, и с бедностью, потому что скудны были средства, которые могла уделить им общественная благотворительность. Многих похитила у жизни рановременно наша суровая зима; некоторые по возвращении на родину задохлись в турецких тюрьмах или погибли иною насильственной смертью от злобы турок, по доносам латинских монахов и других врагов славянского Возрождения, но многим зато удалось и посеять доброе семя и взрастить добрый от семени плод. Возродившись духовно не может уже болгарское племя не стремиться и к Возрождению политическому, освобождению от мусульманского ига. Мы уже говорили об участии, принятом русским обществом, еще более, чем правительством, в духовном Возрождении болгарского племени. Богу известно, как чуждо всяких политических целей и соображений было это участие! Но этого мало. Мы должны помочь и политическому Возрождению болгар, болгар, от которых мы сами получили наших первых учителей веры, которые дали славянству Кирилла и Мефодия, на языке которых стало доступно и нам, и всем славянам Слово Божие... У болгар одна надежда – на нас.

Посрамим ли мы эту надежду?»¹ Эта надежда сбылась через 11 лет. Славянофилы способствовали подготовке русского общества и правительства к мысли о необходимости помочь не только духовному Возрождению болгарского народа, но и обретению политической свободы, утерянной Болгарией полтысячелетия тому назад.

Взоры многих писателей эпохи Возрождения были устремлены к России, откуда они ждали избавления от турецкого ига. Слово «страдание» – ключевое в их произведениях. Одно из первых приведений новоболгарской литературы – «Житие и страдание грешного Софрония» (1805). Даже сан епископа не оградил Софрония Врачанского от гонений, беззаконий, издевательств, чинимых порабощателями. Россияне слышали призывы болгар помочь в деле освобождения от османского ига давно. Священник, поэт Неофит Бозвели призывал сына Александра I – русского императора Николая I и русский народ помочь единой, несчастной сестре Болгарии:

*О, русский царю, Николае честитий
И ти, русский народе, славний и знаменитий
Помогнете на ваша бедна сестра Болгария
Тя не е чуждо племе или от Татария –
Но ваша е чиста сестра сродна и мила,
И сега и от старо време така е била.*

¹ Москва. М., 1867, 14 июля.

Любен Каравелов, обучавшийся в Московском Университете на средства купца В. А. Кокорева (члена славянского благотворительного комитета), опубликовал в Москве в 1868 году сборник – «Страницы из книги страданий болгарского племени». О страданиях соотечественников рассказывается в его произведениях «На чужой могиле без слез плачут», «Бедное семейство», «Неда» и других. Несчастье всенародно, страдания безмерны – такова основная идея первых болгарских повестей Друмева, Блыскова, Каравелова. Васил Попович в 1859 году опубликовал в журнале «Русская беседа» рассказ «Отрывок из рассказов моей матери. Поездка в виноградник» на русском языке. В нем автор также повествует о страданиях болгарского народа под османским игом.

Райко Жинзифов принимал участие во многих культурных начинаниях русской интеллигенции. В апреле – мае 1867 года в Москве состоялся первый славянский съезд, на котором поэт проявил себя как блестящий оратор, он произнес зажигательную речь, нашедшую живой отклик у слушателей: «Братья русские, – обращаясь к присутствующим Жинзифов. – Неужели же вы, могущественные и крепкие духом и телом, позабудете этот многострадальный болгарский народ, находящийся с лишком пять столетий под ненавистным ярмом свирепых и кровожадных турок? (Нет, нет, не забудем! – ответствовала публика). Неужели вы... не подадите руку помощи страждущему болгарскому народу?»

(Да, да, мы ему поможем! – вновь бурно реагировали слушатели). Братья! Болгарский народ вполне верит, что когда наступит пора, а эта пора недалеко, великий русский народ с радостью поспешит на помощь ему для избавления его от много-векового тяжкого ига!»² В русской печати, освещающей работу съезда, отмечалось, что речь Жинзифова была краткой, но он говорил с таким энтузиазмом, с такими горячими патриотическими чувствами, что слушатели его прерывали неоднократно то продолжительными рукоплесканиями, то громкими возгласами.

Петко Рачев Славейков в своей поэзии также выражал надежду болгар на помощь России в освобождении Отчизны от османского гнета. В 1877 г. он написал стихотворение «Вярата и надеждата на българина към Русия», в котором он обращался к Александру II: «О, будь нашим покровителем, защитником и спасителем!»

Иван Вазов называл турецкое иго голгофой и не хотел, чтобы болгарский народ был распят на кресте. Никогда, ни один болгарский писатель эпохи национального Возрождения не называл страдания своего народа «турецким присутствием». Но подобное словосочетание встречается сегодня в болгарской прессе. Вазов торопил россиян:

*Как мы долго страждем,
Горем край объят
Братья, ну когда же
Пушки загремят?*

² Жинзифов Р. Публицистика. В 2 томах. София, 1964. Т. 2. С. 206.

В стихотворении «Россия», написанном за пять месяцев до начала русско-турецкой освободительной войны (в ноябре 1876 г.) поэт вновь взывал о помощи:

*По всей Болгарии сейчас
Одно лишь слово есть у нас,
И стон один, и клич: Россия!*³

(Пер. Н. Тихонова)

И Россия откликнулась на стон и клич Болгарии. После апреля 1876 г., когда антитурецкое восстание болгар было жестоко подавлено, потоплено в крови, все слои русского общества объединяло «прекрасное и великодушное чувство бескорыстной помощи своему брату, распятому на кресте», как говорил Достоевский. В поэтическом сборнике «Горе Болгарии» («Тыгите на Болгария», 1877) Вазов с болью и гневом осуждал зверства турок, подавивших Апрельское восстание 1876 г., учинивших резню в Батаке, спаливших дотла многие села и города, убивших тысячи детей, женщин и стариков. Австрийский историк Ульф Брунбауер и болгарский искусствовед Мартина Балева называют сегодня «мифом» массовое уничтожение болгар турками в Батаке. Они стремятся доказать, что тысячи погибших жителей Батака – «мнимая, преувеличенная» цифра. Этим псевдочуждым дан достойный ответ талантливого историка

³ Вазов И. Сочинения в шести томах. М., 1956. Т. 1. С. 120.

Илии Тодева в книге «Батак 1876 – Миф или история?» (София, 2013). Автор книги, опираясь на источники, убедительно доказал, что трагедия в Батаке отнюдь не миф, а история. Изучение истории Болгарии должно принадлежать профессиональным ученым, а не дилетантам.

В середине 1876 года, после разгрома Апрельского восстания Александр II официально разрешил сбор средств по всей империи для помощи угнетаемым христианам Балканского полуострова. И. С. Аксаков считал, что теперь настало время возбудить общественное мнение. Славянофилы смогли убедить народ, что необходимо помочь поработенным турками болгарам. Они убедили в этом не только своих единомышленников, но и «западников», в частности Тургенева, который восхищался самоотверженностью И. С. Аксакова, а также силою и стихийной громадностью славянофильского движения, охватившего всю Россию. Тургенев был возмущен жестокостью Порты и полагал, что обеспечить будущность несчастных болгар едва ли можно без войны. Ф. М. Достоевский писал в «Дневнике писателя» в июне 1876 г.: «Как же, однако, поступит Россия? Вопрос ли это? Россия поступит честно – вот и весь ответ на этот вопрос. В чем выгода России? Выгода России, именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости. Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно. Эта идея есть, между прочим и всеединение славян; но всеединение это не захват

и не насилие, а ради всеслужения человечеству. В этом самоотверженном бескорыстии России – вся ее сила, так сказать вся ее личность и все будущее русского назначения»⁴.

Прислушался ли император к мнению общества, к мнению своего народа? Услышал ли он стоны «распятого на кресте брата»? 30 октября 1876 г. Александр II на собрании московского дворянства сказал: «Я знаю, что вся Россия, вместе со мною, принимает живейшее участие в страданиях наших братьев по вере и по происхождению; но для меня истинные интересы России дороже всего, и я желал бы до крайности щадить дорогую русскую кровь. Вот почему я старался и продолжаю стараться достигнуть мирным путем действительного улучшения быта всех христиан, населяющих Балканский полуостров. На днях должны начаться совещания в Константинополе между представителями шести великих держав для определения мирных условий. Желаю весьма, чтобы мы могли прийти к общему соглашению. Если же это не состоится, и я увижу, что мы не добьемся таких гарантий, которые обеспечивали бы исполнение того, что мы вправе требовать от порты, то я имею твердое намерение действовать самостоятельно и уверен, что в таком случае вся Россия отзовется на мой призыв, когда я сочту это нужным, уверен также, что Москва, как всегда, подаст в том пример. Да поможет нам Бог исполнить наше святое призвание!»⁵

⁴ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений в 30 томах. М., 1953. Т. 23. С. 45.

⁵ Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1961. С. 52.

В конце октября 1876 г. Александр II присутствовал на встрече с членами «болгарской комиссии» Московского славянского комитета (И. С. Аксаковым, Т. С. Морозовым, С. М. Третьяковым), с генералом Н. Г. Столетовым, графом Д. А. Милютиным. На этой встрече было принято решение о том, что все обмундирование и снаряжение для шести болгарских дружин ополченцев будет подготовлено на средства Московского славянского комитета. Определили и срок исполнения заказа – 20 декабря 1876 г. Столетов подсчитал, что для экипировки 6000 болгарских ополченцев понадобится 114 712 рублей. Генерал Столетов дал справедливую оценку тем людям, которые взяли на себя обязательства по снаряжению и обмундированию болгарских ополченцев. В письме к военному министру – графу Д. А. Милютину он подчеркивал, что лица, занимающиеся данными приготовлениями, принадлежат к числу главных московских предпринимателей и при подготовке обмундирования и снаряжения для болгарских ополченцев не рассчитывают ни на какую коммерческую выгоду, что генералу казалось гарантией добросовестного исполнения.

18 ноября 1876 г. Болгарская комиссия Московского славянского комитета рассматривала проект генерала Столетова об обмундировании болгарского ополчения. Проект одобрен и каждый из членов комиссии взял на себя обязательство заготовить сукно, ремни, сшить шинели, мундиры, шапки, белье, сапоги и т. д. Болгарская комиссия действует

быстро и результативно. 16 марта 1877 г. Болгарская комиссия Московского славянского комитета получает опись изготовленного для болгарских ополченцев обмундирования: шинелей – 5986, мундиров – 6011, панталон – 5953, шапок – 6000, рукавиц – 6000 пар, сапог – 5998 пар, солдатских котелков для еды – 6000, ложек – 7714, полотна для портянок – 5340 аршин, сукно – 2250 аршин, полушубки – 770, шерстяные носки – 720 пар и т. д. Сложность заключалась в том, что обмундирование и снаряжение предназначено было для болгарских ополченцев, а русское правительство все еще не объявляло об их существовании. Эта позиция изменилась только в начале апреля, непосредственно перед началом войны.

6 апреля 1877 г. генерал Столетов приказал доставить обмундирование для 1550 ополченцев. Обмундированные болгары производят очень хорошее впечатление на главнокомандующего – князя Николая Николаевича, а когда 12 апреля они проходят в торжественном марше перед императором Александром II, он издает приказ, чтобы ополченцы всех болгарских дружин были одеты так, как эти болгары. А военный министр – граф Д. А. Милютин спрашивает генерала Столетова: согласится ли Московский славянский комитет принять новый заказ на такое же количество одежды. Характеристика, которую дал генерал Столетов московским предпринимателям, оказалась верной. Качественное исполнение одежды и снаряжения вызвало восхищение Александра II и главнокомандующего

действующей армии, а Московский славянский комитет получил новый заказ на такое же количество обмундирования. Оно предназначалось для второй серии 6 дружин болгарского ополчения.

Мирные переговоры Александра II на совещании в Константинополе с представителями 6 великих держав, к сожалению, не увенчались успехом. Мирным путем улучшения положения христиан Балканского полуострова не удалось добиться императору, который был вынужден 12 апреля 1877 г. объявить Турции войну. В манифесте Александра II от 12 апреля 1877 г., объявлявшем войну Турции, говорилось: «Всем нашим любезным верноподданным известно наше живое участие, которое мы всегда принимали в судьбах угнетенного христианского населения в Турции. Желание улучшить его положение разделял с Нами и весь русский народ, который выражает сейчас свою готовность к новым жертвам, дабы облегчить участь христиан Балканского полуострова. Исчерпав до конца наше миролюбие, мы принуждены из-за высокомерного упорства Порты приступить к более решительным действиям. Этого требует и наше чувство справедливости и чувство нашего собственного достоинства. Турция нас вынудила обратиться к силе оружия. Честь России требует этого»⁶.

15 июня 1877 г. русская армия во главе с князем Николаем Николаевичем освободила город Свиштов. 7 июля

⁶ Освобождение Болгарии ... С. 52.

1877 г. передовой отряд генерала Н. В. Гурко освободил Велико-Тырново. Западный отряд начал атаковать Плевну. Осада продолжалась несколько месяцев и лишь 28 ноября 1877 г. город был взят русскими войсками. Тяжелыми, кровопролитными были бои за Шипкинский перевал. Четыре месяца русские войска и болгарские ополченцы (во главе с генералом Столетовым) удерживали Шипку. 8 января 1878 г. состоялось сражение, в котором турецкие войска были разгромлены. 23 декабря 1877 г. была освобождена София. В январе 1878 г. освобожден Пловдив. Затем русские войска вошли в Адрианополь. Краткая хроника побед русской армии не дает представления о том, какой ценой они были добыты. Только под Плевной погибло 13 тысяч русских воинов. А всего в болгарской земле лежит 200 тысяч русских воинов. Ценой огромных человеческих жертв русский народ освободил болгар от пятивекового рабства.

Русский народ был един в своем стремлении помочь угнетенным болгарам. Мне не приходится далеко ходить за примерами. Мой прапрадед – предприниматель и меценат Тимофей Саввич Морозов был членом Болгарской комиссии Славянского комитета. Его отец был крепостным крестьянином, но смог основать текстильную мануфактуру и выкупить семью из крепостного рабства в 1821 г.. А сын его – Тимофей родился уже свободным человеком в 1823 г. Он был сверстником И. С. Аксакова, дружил с ним, разделял его славянофильские убеждения. Он шил для болгарских ополченцев обмундирование на своей текстильной фабрике

в селе Никольском. Во время Освободительной войны Т. С. Морозов продолжал дарить одежду болгарским ополченцам. Он послал 21 октября 1877 г. в Болгарию посылку, в которой было 100 полушубков, 500 сорочек, 4000 бинтов, 1000 аршин марли и другие медицинские принадлежности. Он все это хорошо упаковывал, а на посылке написал: «Для Болгарской дружины» – «пожертвовано». Адрес: «Князю В. А. Черкасскому в Болгарию». И поставил клеймо своей фирмы: «Товарищество “Саввы Морозова сын и К^о”» (Центральный исторический архив г. Москвы, фонд 342, опись 1, дело 18, лист 33). Кроме того, прапрадед посылал одежду, бинты, бактерицидную вату, марлю в лазареты, которые он построил и содержал для раненных русских солдат в России. Жена его (моя прапрабабушка) – Мария Федоровна Морозова – вместе с женой И. С. Аксакова Анной Федоровной Аксаковой помогала сиротам погибших русских воинов. А сын их – Савва Морозов в это время учился в гимназии, ему было всего 15 лет. Он организовал в гимназии сбор помощи болгарам среди учащихся. Ему удалось собрать 300 рублей, которые он передал в Московский славянский комитет, членом которого был его отец.

Но главные «пожертвования» со стороны России – это были жизни ее соотечественников (Россия пожертвовала Болгарии 200 тысяч жизней российских воинов, врачей, медсестер во имя освобождения болгар от иноземного рабства).

3 марта 1878 года в Сан-Стефано Россия и Османская империя подписали мирный договор, согласно которому Болгарское княжество занимало территорию, которую и должно было занимать (от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера). Но Австро-Венгрия и Великобритания были против создания сильного болгарского государства. 13 июля 1878 г. в Берлине был пересмотрен Сан-Стефанский договор. Болгария была расчленена на северную часть (Княжество Болгария) и южную (Восточную Румелию, оставшуюся под властью турок).

Русско-турецкая Освободительная война 1877–1878 гг. завершилась появлением Болгарии на карте мира (после 500 лет небытия). Процесс возрождения государственности начался также с помощью России. Гражданское управление возглавил славянофил князь В. А. Черкасский. Была изменена налоговая система, заложены основы почтовой и банковской системы, началось создание болгарской армии. Были приняты меры для развития науки, культуры, просвещения. Министром просвещения и духовных дел стал болгарский и российский ученый Марин Дринов. В феврале 1879 г. в Тырново открылось Учредительное собрание для принятия Конституции страны.

И. С. Аксаков писал после войны в своей газете «Русь» (Москва, 1886, 11 января): «Мы спрашиваем, кто по тайному намеку правительства, еще до объявления войны султану экипировал и вооружил болгарское ополчение в Бессарабии? Никто, кроме Московского купечества, вместе со

славянским московским обществом. Сегодняшний редактор газеты «Русь» имел счастье стоять тогда во главе этого дела и имел честь передать лично, хотя и секретно, русскому военному ведомству десять тысяч пушек «Шаспо», круповские орудия с гранатами, патроны и другие принадлежности; он может лично подтвердить сколько тысяч рублей пожертвовало купечество и сколько десятков тысяч рублей – славянское общество. И это не мало!»⁷ Аксаков подчеркивал, что российское народное движение в защиту болгар изумило не только Европу, но и русское общество именно тем, что оно было народным не в риторическом, а в точном смысле этого слова.

В современной научной литературе в некоторых исследованиях можно наблюдать переоценку роли России в Освобождении Болгарии от 500-летнего турецкого ига. Например, австрийский историк Отто Кронштайнер в 2000 г. поучал болгар: «Здесь, в Болгарии, существуют различные мифы – что, русские, мол, освободители. Это миф»⁸. Нет, это не миф, а трагическая и героическая история Болгарии и России. Болгарская держава была воссоздана благодаря русским воинам, сложившим головы на алтарь болгарской свободы. К невежественным заявлениям Отто Кронштайнера не привыкать. Чего стоит его предложение болгарам сменить кириллицу на латиницу.

⁷ Русь. М., 1886, 11 января.

⁸ Литературен форум. София, 2000. Бр. 6. С. 12.

Но порой аналогичные представления о русско-турецкой войне встречаются и у болгарских ученых. В 2004 г. в Софии опубликована книга Ивана Лилова «“Освободители” мисии на Русия – Съветския Съюз във и около България». Автор считает, что русско-турецкая война 1877–1878 гг. была не Освободительной, а завоевательной, оккупационной. Много других грехов приписывается России: и стратегические ошибки, и наличие национальных интересов, которых она ни в коем случае не должна была иметь, и обилие разрушений и пожаров (как будто бывают войны без разрушений и пожаров). Некоторые авторы, пишущие по данному вопросу, полагают, что освобождение Болгарии могло бы наступить позднее, но мирным путем (как у чехов, дождавшихся развала Габсбургской империи без применения оружия). Нет условного наклона в истории. Прав талантливый болгарский историк Илия Тодев, утверждающий, что «Апрельское восстание и последовавшая за ним русско-турецкая война были единственным нашим путем к государственно-политической свободе, иначе нас постигла бы судьба армян и курдов»⁹.

Достоевский считал, что Освобождение славян – высокая цель, долг более сильной славянской страны. Он полагал, что защита «униженных и оскорбленных» – «православное дело». Но он не исключал, даже был уверен, что самопожертвование русских воинов не будет оценено по до-

⁹ *Тодев И.* Батак 1876 – мит или история? София, 2013. С. 71.

стоинству. Некоторые факты современной действительности подтверждают это предвидение. Достоевский предсказывал, что через 100 лет появится «хитрое учение», умаляющее роль России в Освобождении славян: «... настоящая, например, всенародная русская война, всего русского народа, с Царем во главе, поднятая против извергов за освобождение несчастных народов – эту войну оценили ли, наконец, славяне сейчас, как вы думаете? Но о сегодняшнем моменте я не говорю, при том мы еще нужны славянам, мы их освобождаем, но позднее, когда их освободим и когда они обустроятся – признают ли они эту войну великим подвигом, совершенным для их освобождения, решите сами. Да ни за что на свете не признают! Напротив, скажут, в качестве политической, а позднее и научной истины, что не будь во все эти 100 лет освободительницы России так они давно бы сумели сами освободиться от турок благодаря своей доблести или с помощью Европы, которая не будь на свете России, не только не имела бы ничего против их освобождения, но и сама бы их освободила. Это хитрое учение наверно существует у них уже и сейчас, а впоследствии оно неминуемо разовьется в научную и политическую аксиому. Более того, даже о турках начнут говорить с большим уважением, чем о России... Они будут лебезить перед европейскими державами, будут клеветать на Россию, сплетничать о ней и интриговать против нее... О, я не говорю об отдельных людях: будут и такие, которые поймут, что значила, значит и будет значить для них Россия всегда. Они поймут

все величие, всю святость дела России. Но эти люди, особенно в начале, будут в таком меньшинстве, что они будут подвергаться насмешкам, ненависти и даже политическим гонениям»¹⁰. Достоевский не ошибся.

Васил Друмев (Митрополит Климент Тырновский) был одним из тех русофилов, который подвергался политическим гонениям за свои убеждения. Он был заточен Стефаном Стамболовым в Гложенский монастырь уже через 15 лет после Освобождения Болгарии (в 1893–1894 гг.). Освобожден он был только после смерти Стефана Стамболова. 24 февраля 1878 г., встречая в Русе освободителей во главе с генералом Эдуардом Тотлебенем, он произнес приветственную речь на русском языке, в которой сказал: «Добре дошли! Итак, наше горячее желание исполнилось. После долгих ожиданий и сомнений, после долгих страданий и страха, мы, наконец, видим вас, храбрые и благородные российские воины, посреди нас и вы приносите нам желанный мир. Слава и благодарение Всеблагому Богу, который по великой своей милости сподобил нас дожить до этой счастливейшей минуты. Правда, мы не знаем еще условий мира, который вы нам приносите, но мы знаем, что вы пришли к нам “во имя Господне”, то есть во имя той евангельской любви, которая водворит у нас мир, спокойствие и счастье. Мы знаем, что Император Всероссийский, Великий царь – Освободитель благоволил посетить нашу несчастную Болгарию, разделил вместе со своими возлюбленными

¹⁰ *Достоевский Ф. М.* Полное собрание ... Т. 23. С. 52.

детьми и храбрым своим воинством все опасности войны для того, чтобы облегчить нашу злую участь, сделать нас свободными, счастливыми. Мы знаем, наконец, что храброе Российское воинство перенесло много трудов и лишений, пролило много драгоценной крови для нашего освобождения»¹¹. Друмев понимал значение жертвы, принесенной на алтарь болгарской свободы русским народом.

Понимал все величие подвига русских воинов и Иван Вазов. Поэзия и проза Вазова – не только литература высочайшего художественного уровня, но и хранительница исторической памяти болгарского народа. В поэтическом сборнике «Избавление» выражено ликование болгарского народа и его признательность русским, освободившим Болгарию. В сущности, эта книга является поэтической летописью Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В стихотворениях «Плевен пал», «Здравствуйте, братушки!», «Пушки загремели» и других воспета слава русскому оружию. Наблюдая за историческим продвижением русской армии во главе с главнокомандующим Дунайской армии Великим князем Николаем Николаевичем (сначала по Румынии, а затем по Болгарии), Вазов воссоздает поэтическую хронику войны. Этот период поэт считает величайшей эпохой для болгар. Для художественного сознания Вазова литература – это и летопись национальной судьбы. Он подчеркивал, что пока другие молчат, он должен писать, хотя для данной эпопеи

¹¹ Смольянинова М. В. Васил Друмев (Митрополит Климент). София, 2012. С. 216.

нужны Гомер, Пушкин и Тассо. Ряд стихотворений поэт посвящает членам императорской фамилии. В «Оде императору Александру II», написанной по случаю триумфального въезда царя в Бухарест в июне 1877 г., поэт в духе классицизма воспеваает героя, идущего в бой не для порабощения Болгарии, а для ее освобождения. Он сравнивает русского императора с солнцем, излучающим надежду, испепеляющим рабские цепи. Александру II, который провел в Болгарии полгода во время войны, посвящены также стихотворения «Царь в Свиштове» (Свиштов, август 1877 г.), «Царь в селе Бяла» (Свиштов, 1877). Главнокомандующему Дунайской армии посвящено стихотворение «Николай Николаевич» (Бухарест, май 1877 г.).

Если оды, посвященные членам императорской фамилии, величавы и торжественны, то стихи Вазова о погибших русских солдатах, наполнены болью и состраданием. В стихотворении «Погребенные солдаты», опубликованном в сборнике «Избавление», поэт скорбит о гибели освободителей. Поэт ощущал боль от того, что тысячи русских солдат и офицеров погибли и никогда не увидят своих детей, жен, матерей, никогда не вернуться в Россию. Особенно остро выражено это чувство в стихотворении «Прогулка в Банясы», написанном в начале Русско-турецкой войны (в июне 1877 г.).

Вазов – истинный поэт, утонченная натура, из очей его льются слезы в предчувствии гибели русских воинов, которые сложат свои головы на алтарь болгарской свободы.

В произведениях его находят отражение универсальные идеи христианства (о добре и зле в этом мире, о христианской культуре, об отношениях Бога и человека).

Иван Вазов веровал, что освобождение Болгарии русскими есть Божий промысел. В стихотворении «Здравствуйте, братушки» (1878) мать говорит сыну о русских: «Это их послал сам Бог, чтобы нам помочь, сынок». Тот же мотив звучит в стихотворении «Плевен пал» (29 ноября 1877 г.) и в «Оде императору Александру II» («Бог передал в твои руки нашу судьбу», – обращается поэт к герою оды). Подобный мотив встречается и в поэзии П. Р. Славейкова, писавшего в стихотворении «Болгарин верит в Россию и надеется на нее» (1877) о том, что «Бог поддерживает спасительную руку России, вложив в нее меч отмщения». После победоносного завершения Русско-турецкой освободительной войны Петко Славейков в одном из стихотворений 1882 года подчеркивал, что «Россия своею кровью завоевала для нас свободу». Болгарская литература эпохи Возрождения не только доставляет эстетическое наслаждение, но и является художественной летописью национальной истории.

Компетентный болгарский историк Андрей Пантев пишет: «Нетрудно установить, почему от фанфарной истории войны легко опуститься до ее вульгаризации как новой оккупации. Имеем ввиду известные события после 1989 г. В сравнительном плане в иностранной историографии присутствует более сбалансированное отношение к мотивам и

результатам войны, нежели в Болгарии... Манерный скептицизм в отношении позитивов войны стал своеобразной модой среди пишущих по этому вопросу. Со стороны, и не только с русской точки зрения, это капризное недовольство сделанным для болгар совсем не выглядит привлекательным, еще менее достойным»¹². Автор данной статьи разделяет мнение ученого. В болгарской историографии имеется много интересных работ о войне (в том числе труды Кр. Шаровой, К. Косева, Хр. Христова и других). Хочется верить, что в научных дискуссиях о значении Освободительной войны в судьбе Болгарии, профессионалы, работающие с источниками, опирающиеся на свидетельства очевидцев, честные ученые победят дилетантов и фальсификаторов истории. Как правда побеждает ложь. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. была святой, альтруистской, бескорыстной войной, одной из немногих справедливых войн в истории человечества. Честь и хвала болгарскому народу, который не позволил снести памятник царю – освободителю Александру II ни во времена фашизма, ни во времена тоталитаризма. В то время как в России почти все памятники русским императорам снесли в советский период. Прав был И. Вазов, называвший русских воинов «рыцарями добра».

Поддержка славянофилами вооруженного пути освобождения Болгарии, подготовка общественного движения

¹² *Пантев А.* Европа в навечерието на Българското освобождение // България и Русия между признателността и прагматизма. Доклади. София, 2009. С. 55.

в защиту болгар, способность убедить правительство и императора – Александра II в необходимости помочь болгарам имели огромное значение в деле воссоздания болгарской государственности.

Если бы не было освободительной Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и самопожертвования 200 тысяч российских воинов и врачей, так не было и Болгарии на карте мира. Без этой победоносной войны болгар ожидала бы судьба курдов, которые ведут борьбу за независимый Курдистан, но безуспешно. Нет государства, которое согласилось бы пожертвовать жизнями своих сыновей ради их свободы.

Болгарский народ сохранил благодарную память о замечательном человеке – Иване Сергеевиче Аксакове (в Софии есть улица имени Ивана Аксакова) и о царе – Освободителе Александре II (памятник ему болгары не снесли ни во времена фашизма, ни во времена тоталитаризма).

Информация об авторах

Искендеров Петр Ахмедович, к.и.н., старший научный сотрудник Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН, главный редактор журнала «Вопросы истории».

Морозов Евгений Валентинович, краевед, ветеран Движения добровольных помощников реставраторов.

Смольянинова Марина Геннадиевна, к.ф.н., старший научный сотрудник Отдела истории славянских литератур Института славяноведения РАН. Литературовед, специалист по истории болгарской литературы, переводчик.

Стоянов Иван Илиев, профессор Великотырновского университета (Болгария), д.и.н.

Фролова Марина Михайловна, к.и.н., старший научный сотрудник и ученый секретарь Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН.

Чернушкин Андрей Александрович, выпускник бакалавриата Факультета истории, политологии и права МГОУ, ведущий специалист Департамента культурного наследия Российского военно-исторического общества.

Научное издание

Русско-турецкая война 1877–1878 гг.

надежды – перипетии – уроки

Сборник научных статей

*Утверждено к печати Ученым советом Института
славяноведения РАН (Протокол № 6 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 24.11.2020)*

Ответственные редакторы – *С. И. Данченко, Ю. А. Созина*

Дизайн обложки – *О. А. Галданова*

В оформлении использована фотография *А. Д. Иванова*
(панорама Софии 1878 г. с русскими воинами на переднем плане;
в глубине – церковь Святой Софии)

Сопровождение, макет, верстка отдела исследовательских проектов
и грантового мониторинга Библиотеки иностранной литературы
им. М. И. Рудомино – isslgrant@libfl.ru

Общероссийский классификатор продукции ОК-034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 – книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119991, г. Москва, Ленинский просп., д. 32-А, корп. «В»
inslav@inslav.ru

Подписано в печать 12.12.2020. Формат 60x84 ¹/₁₆.
Гарнитура *Times New Roman*. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. – 9,53, объем – 10,25 печ. л.

Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА»
143001, Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13

Заказ № 76
Тираж 350 экз.